327302

ПРОВЕРЕНО 48 г.

А. ПОЛЯКОВ

В тылу ВРАГА

ОГИЗ САРОБЛГИЗ 1941

СТАРШИЙ ПОЛИТРУК
А. ПОЛЯКОВ

В ТЫЛУ ВРАГА

ОГИЗ 1941
Саратовское областное Государственное издательство
Саратов

После ожесточенного боя в районе города Л. с намного превосходящими силами немецких фашистов часть тов. Галицкого попала в окружение. Доблестные советские воины пробивались из вражеского кольца, ни на одну минуту не прекращая активной борьбы с фашистами, громя его тылы.

Вместе с частью находился специальный корреспондент «Красной звезды» старший политрук А. Поляков—участник боев с финской белогвардейщиной, награжденный орденом «Красное Знамя». В тылу у фашистов тов. Поляков был ранен, но продолжал выполнять боевые задания командования части и вести свой корреспондентский дневник.

Перепечатывается по газете «Коммунист».

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ВГУ
Саратовский университет
327302.

27 июня

Прошло 5 дней войны! Моя родина, мой народ ведут великую отечественную войну с гитлеровскими бандитами. События проносятся бурей. В эти дни я не вел подробных записей, кроме мелких пометок в блокноте.

События и эпизоды фронтовой жизни поражают своей грандиозностью. Но чем грандиознее события, тем короче мои записи в блокноте.

Утром 26-го я записал: «Опушка леса. Тригонометрическая вышка. Танковый бой. Марков бил в упор. Щука сказал: «Прищемить им хвост».

Вот и все, что я успел записать в тот день. Больше не прикасался к перу. Только сегодня вечером я получил, наконец, возможность взяться за дневник.

...Итак, прошло пять дней с момента, когда гитлеровские орды ринулись на нашу землю. Война застала меня в одном из гарнизонов Западного особого военного округа. Я находился в служебной командировке. Через несколько часов после начала войны я разговаривал с редакцией и получил приказание немедленно отправиться на фронт специальным военным корреспондентом.

В тот же вечер я выехал в расположение части, которой командует Галицкий. Высокий человек, с крупными, правильными чертами лица, выслушал мой рапорт о прибытии и коротко сказал:

— Ну, что ж, воюйте с нами.—И, обратившись к начальнику штаба, тоном приказа добавил: — С нашей частью будет корреспондент.

Я понял, что «церемониал» встречи закончен и можно приступать к работе.

Что же произошло за эти 5 дней. Расскажу очень коротко.

Мы шли к границе навстречу немцам. Непрерывно действуют наши разведывательные подразделения. Стычки происходят каждый день. Идет разведка боем. Поговорить с командиром части не удалось. Но по всему видно, что он хочет взять боевую инициативу в свои руки. Беседовал с начальником штаба. Данные разведки говорят о том, что на этом участке фронта неприятель не ждет большого сопротивления. Видимо, Галицкий готовит им «сюрприз».

26-го наши передовые отряды столкнулись с фашистами. Этот день нельзя забыть. Перед моими глазами развернулась грандиозная картина встречного боя. На нас напоролась средняя колонна фашистской танковой армейской группы во главе с 19-й панцырной дивизией. Товарищ Галицкий действовал решительно. Он немедленно ввел в бой все силы. Наша часть полностью вступила в сражение, имея перед собою фронт шириною в 30 километров.

Закованные в железо и сталь фашистские бандиты ведут наступление в направлении города М. Боевая задача: любой ценой сдержать и отразить натиск танковой колонны. От бойца к бойцу, от сердца к сердцу пролетал приказ:—Ни шагу назад! Вперед, на врага!

...Впереди меня в 300 метрах батарея кинжального действия Попова. У нее самая жаркая работа, она на дороге. К ней мчится штук 30 танков.

— Беглый! Прямой наводкой!—еле успевает скомандовать Попов. Орудия заглушили его команду...

На батарею Попова прорвалось около двух десятков танков. Они прочесывают огневую позицию Попова, и Попов прочесывает их. Батарейцы ворочают орудия, бьют в упор.

Прибегаю к ребятам сразу после схватки с танками. Несколько человек ранено, убит наводчик Галкин. Остальные бойцы, закопченные дымом, опаленные огнем, с запекшейся кровью на лицах, стоят среди настоящего

кладбища танков. 18 черных сожженных танковых скелетов валяются между орудиями.

— Чья это работа, кто сколько сбил?—спрашиваю у Попова.

Старший лейтенант не спускает глаз с дальней опушки леса, откуда должна выскочить очередная группа фашистских танков. Его смуглое лицо горит возбуждением боя.

— Счет у нас общий, — не оборачиваясь, отвечает Попов...

Сейчас, когда я набрасываю в блокнот эти строки, в штабе части подводят итоги боя... 265 фашистских машин уничтожено, убито и ранено свыше 400 немецких танкистов... Гитлеровцы долго будут помнить часть Галицкого!

Два дня шел этот бой. Но сегодня к вечеру обстановка изменилась. Фашисты, бессильные взять нас в лоб, начали обходный маневр, обтекая нас со всех сторон. Они решили не застревать здесь, а двигаться вперед, рассчитывая покончить с нами позже.

Несколько минут тому назад вражеские самолеты сбросили листовку: «Вы окружены со всех сторон. Ваше положение безнадежно. Сдавайтесь в плен». На обороте листовки напечатана схема нашего окружения.

Галицкий внимательно изучает немецкую схему.

— Ну, что же, за ориентировку спасибо, — говорит он спокойно и приказывает командиру разведывательного батальона майору Щуке проверить схему разведкой.

Поздно ночью Галицкий собрал на летучку командный состав.

— Мы оказались во вражеском тылу, — жестко прозвучали его слова. — Прямо и открыто сказать это сейчас же всем бойцам. Никакой паники! Коммунисты и комсомольцы задают всем тон своим примерным поведением...

Мы в тылу у врага... Я повторяю про себя эти слова, стараясь освоиться с неожиданной новостью. Светлая ночь. Я вглядываюсь в лица. Командир артполка Боро-

дин не спускает глаз с Галицкого. Этот темпераментный человек весь день громил из орудий фашистские танковые колонны—он навалил целую гору из гусениц, колес, продырявленной брони... О чем думает он сейчас?

Спокойно лицо подполковника Пасюкова. Расчетливый, предусмотрительный командир, он что-то подсчитывает про себя, прикидывает, его не застанешь врасплох... Майор Щука горит от нетерпения,—вот когда придется поработать его разведке! И постепенно я проникаюсь спокойствием и уверенностью в благополучном исходе... С такими людьми не страшно никакое окружение.

— Мы с честью сражались во имя нашей родины,—продолжает Галицкий, — неужели мы дадим себя истребить в окружении проклятым фашистам?!

— Ни за что! — дружно отвечаем мы все разом.

— Так слушайте! Мы будем с боями отходить в сторону фронта на соединение с Красной Армией. Сегодня мы переходим на положение части, действующей в тылу врага. Отныне мы будем действовать партизанскими методами. Будем вредить фашистам на каждом шагу, не давать им покоя ни днем, ни ночью, изматывать и бить нещадно! А для этого необходимо...

Галицкий пункт за пунктом излагает законы нашей новой жизни — «законы Галицкого», как мы назвали их потом.

Никто не имеет права употреблять слова «говорят», а только—«сам видел». Беспощадно бороться с болтовней и паникерскими слухами.

Пищу делить поровну. Кормить в первую очередь разведчиков и раненых. Этот закон особенно нравится Щуке...

Экономить патроны, стрелять только по видимым целям и в упор!

За куренье ночью под открытым небом—расстрел!

...Выходим из блиндажа. Чувствуется, что все стали как-то ближе друг к другу.

Ночь на исходе. Шумит лес. Укладываясь на землю лицом к звездному небу, я долго не могу уснуть...

28 июня

Я просыпаюсь от сильного грохота. Появились самолеты врага. Укрываюсь в блиндаже. Наши зенитки отгоняют фашистских разведчиков,—видимо, не случайно кружатся вражеские самолеты над командным пунктом. Кто-то наводит их...

Рассвет. Сквозь деревья розовеет зарево восхода.

Снова укладываюсь, но теперь уже спать не дают комары. Все руки и лицо в волдырях и расчесах. Те, кто курят, спасаются от комаров дымом самокруток. Вот сидят трое под деревом... Один, жадно затягиваясь, выпускает густую струю дыма, а двое с наслаждением вдыхают в себя этот «отработанный» дым, —табаку мало...

Многие еще спят, положив голову на пенек или бугорок. Каждый избрал себе дерево или куст. Это—его дом: здесь человек спит, укрывается во время бомбежки, читает старую газету. Одному лишь Вайниловичу нет дерева по его росту — так высок этот самый длинный человек в нашей части. Над ним шутят:

— Ты во время бомбежки становись во весь рост и замри, сверху трудно будет отличить тебя от дерева. Сам—сосна!

Возвращаются разведчики из ночных поисков. Щука выслушивает донесения.

«Петушиная часть»,—так в шутку называем мы разведывательный батальон майора Щуки. Назначение этого батальона: затевать драку с фашистами и боем выявлять их силы и огневые средства. Щука любит ворваться в расположение врага, наделать шуму орудиями своих танков и с добычей вернуться домой. Весь день и всю ночь Щука пропадает в разведке. Он не станет есть до тех пор, пока не добьется успеха.

Отправляясь в разведку, он сказал начпродовольствия Шафрану:

— Вернусь, чтоб был хороший обед.

— Будет, товарищ майор. Я угощу вас сегодня куриным бульоном,—пообещал Шафран. Щука расцвел.

Шафран отправился с тремя поварами в соседнюю деревню добывать провизию. Все консервы он тщатель-

но запрятал в лесу, полагая, что теперь мы хотя и регулярная часть, но раз борьбу ведем партизанскими методами, то и пищу должны добывать таким же образом. Кормить же отряды из складских фондов Красной Армии, по его мнению, не полагается... Мы, разумеется, быстро рассеяли заблуждение Шафрана.

От майора Щуки поступило донесение, что на станции Б. немцев нет, зато много оружия, снарядов, есть танки, горючее... Немедленно снаряжается отряд для разгрузки станции. Нужно из-под носа фашистов быстро увезти в лес все это богатство. Командиру роты связи Зиновееву поручено обеспечить связь со станцией и порядок во время разгрузки.

Здесь хочется сделать небольшое отступление и рассказать о семье Зиновеевых.

Эта семья — отец — воентехник, мать — машинистка штаба и сын — четырнадцатилетний Анатолий—хорошо известна нашей части. Когда началась война, Зиновеевы —отец и мать—как военнослужащие вместе с частью выступили в поход, на фронт. На «семейном совете» было решено: просить командование разрешить Анатолию Зиновееву участвовать в священной отечественной войне с германским фашизмом. Командир долго не давал разрешения. Семья просила, утверждала, что Анатолий не только не будет обузой в походах, но сумеет принести пользу. Да, ему 14 лет! Но это боевой паренек... Анатолий—закаленный молодой боец, он прекрасно умеет водить мотоцикл, ездить на велосипеде, он отличный связист...

Был произведен короткий «инспекторский смотр». Винтовка, мотоцикл, установка связи. Анатолий сдал экзамен на «отлично».

И он поехал на фронт.

...Воентехник Зиновеев поручил бойцу Анатолию Зиновееву следовать за отрядом на станцию Б. и по мере продвижения отряда устанавливать проволочную связь со штабом части.

Разведка донесла, что на станции Б. нет фашистов, но они могут появиться в любую минуту. Наш отряд занял станцию, и закипела горячая работа. Мы сгружа-

ли с платформ танки и грузовики, выкачивали из цистерн горючее. Зиновеев, превратившись в «коменданта» станции, сидел в аппаратной и прислушивался к разговорам по телефону соседних станций, занятых фашистами.

Вдруг появились вражеские самолеты. Мы укрылись во ржи. Когда возвратились к вагонам, начальник штаба обнаружил, что потерял часы, и пошел в рожь искать их. Человек привыкает к своим вещам.

— Вы найдете часы, но потеряете голову,—сказал я со злостью.

Начштаба смутился и, махнув рукой, бросился разгружать вагоны... Вот тут кому-то из нас пришло в голову использовать захваченные накануне опознавательные полотнища с немецких танков, чтобы оградить себя с воздуха. Тотчас же мы накрыли фашистским полотнищем тендер паровоза, другое расстелили на крыше станции, третье—на бочках с горючим. Немецкий разведывательный самолет снизился, увидел знакомые опознавательные знаки и, помахав нам крыльями, улетел. Улетели и бомбардировщики.

Пять часов хозяйничали мы на станции. Боеприпасы и железные бочки с горючим погружались на автомашины и исчезали в глухом лесу.

К концу пятого часа работы воентехник Зиновеев соединился со штабом и сказал своей жене:

— Товарищ Зиновеева, доложите командованию, что приказ выполнен. Боеприпасы и горючее вывезены. Остатки будут уничтожены, станция и пути будут выведены из строя. Передайте мою благодарность Анатолию Зиновееву и всему взводу за организацию хорошей, бесперебойной связи...

Когда фашистские бомбардировщики снова прилетели в район станции, они увидели вместо нее дымящиеся развалины.

Проголодавшиеся участники разгрузки вернулись в свой партизанский лагерь с богатой добычей, а куриного бульона и жареных кур, обещанных Шафраном, не оказалось. Не было и самого Шафрана.

А тут явился с богатой добычей и разведчик—лейтенант Никифоров. Он совершил удачную вылазку на

шоссе. Спрятавшись в канаве у поворота дороги, Никифоров стал терпеливо ожидать. Вскоре на шоссе появился германский мотоциклист. Дальше все пошло так, как и предвидел лейтенант. Мотоциклист задержался на повороте дороги и стал рассматривать карту. В руках у него, таким образом, оружия не было. Этого только и надо было разведчику. Лейтенант выскочил из канавы на дорогу и направил наган на фашиста.

— Руки вверх!

От неожиданности немец даже затрясся и выронил карту.

Лейтенант снял пленного с мотоцикла, завязал ему глаза и повел в гущу леса. В штабе нашей части из сумки германского связного извлекли ценные пакеты с документами, раскрывающими направления движения немецкой танковой группы. Сведения были нам весьма ценны и полезны.

По «закону Галицкого» следовало в первую очередь накормить храброго разведчика. Но мы не могли отыскать даже консервов, запрятанных Шафраном.

И вдруг он появился. Смущенно разводя руками, Шафран сообщил, что куриный бульон разлили.

— Как же это вы прошляпили? Какой же вы начпрод?!—с'язвил Щука.

— А какой же вы командир разведки, если не могли меня предупредить, что в этой деревне фашисты?!— отпарировал Шафран. — Они наскочили на нас, и пришлось вылить суп на землю...

— Как?! В этой деревне фашисты?!—вскочил Щука. —Много?!

Щука исчез, а Шафран начал рассказывать нам трагикомическую историю... Шафран спокойно готовил обед в трех избах, повара варили, жарили, пекли при активном содействии крестьянок. В полдень Шафран вышел на крыльцо и вдруг увидел, что в деревню вползает фашистская колонна на машинах и мотоциклах. Он бросился в избу. Крестьяне переодели Шафрана и поваров в свою одежду и помогли им выбраться из деревни с жареными курами, но без супа...

Уже брезжил рассвет, когда майор Щука вернулся с вылазки. Он был весел, глаза его задорно блестели. Он потребовал себе ужин.

Шафран торжественно преподнес ему аппетитно зажаренную курицу.

Щука ест! Это был верный признак, что майору попалась хорошая добыча.

29 июня

С утра был слышен фланговый артиллерийский огонь. На востоке, в 15 километрах позади нас, 100-метровой ширины река. Галицкий приказал скрытно за ночь отойти туда, спасти артиллерию, остатки боеприпасов, специальные машины—все переправить в лес, за реку. На реке подготовиться и дать бой немцам.

Драться на реке, это, я знаю, мы умеем с особым искусством. Если уж пойдем там ко дну, то не иначе, как на шеях тонущих гитлеровцев.

...У меня большая работа. Днем я заехал в полевой госпиталь, — очень знакомое мне по Финляндии учреждение. Там лежало 70 тяжело раненых красноармейцев. Почти половина раненых прибыла к нам в первые дни из других частей.

Ночь—ад кромешный: темная, дождливая. На горизонте беспрерывные вспышки: и молния, и разрывы снарядов.

Выделенные 60 повозок под раненых куда-то к чорту провалились. Наверно, заблудились в лесу.

Госпиталь расположился на опушке в 200 метрах в стороне от дороги. Время не ждет. Решаем: раненых вытаскивать пока на дорогу, выкладывать вдоль нее и в случае, если не будет повозок, класть их на проходящие автомашины, на орудийные лафеты.

С нами шесть красноармейцев и два средних командира—Мельников и Мизин. Они, правда, сами легко ранены. Пришли в госпиталь перевязаться, а я их об'явил санитарами.

Ребята горячо взялись за дело. Через два часа мы вытащили из леса на дорогу всех 70 человек. Санитары от усталости и изнеможения падали около раненых, но я сказал, что они—орлы, герои, и у людей на-

ились новые силы. Мы начали подкладывать раненых на проходящие машины.

Внезапно под'ехал Галицкий. Он сразу же оценил положение и немедленно помог нам. По его приказанию полдесятка машин были тут же разгружены от каких-то запасных частей и продуктов и заполнены оставшимися у меня ранеными.

Когда все раненые и санитары были отправлены и я остался один на дороге, ко мне подошел Галицкий и ласково взял за плечо...

С командиром в его машине мы отправились к переправе. Немцы заранее позаботились отрезать нам пути отхода. Взорвали авиабомбой большой, так называемый, горбатый мост. Но переправа идет. Пушка за пушкой, машина за машиной перетягиваются тракторами или конной тягой по дну реки на безопасный берег.

По горло в воде или верхом на паре бревен, опущенных в воду, работают саперы капитана Башкирова. С топорами, привязанными бечевкой к кистям рук,— чтобы не потерять в реке при случайном падении,— бойцы-саперы не прекращают работы и во время бомбежки. Время дорого.

Зенитный дивизион капитана Мочуйского, прикрывающий переправу, устраивает наверху, в воздухе, настоящий ад каждой новой своре воздушных налетчиков.

Вся тяжесть обороны переправы от надвигающегося к реке наземного врага легла на подразделение тов. Украинского. Наших погибло 11 человек, но зато вся часть переправилась в полном порядке.

Заслуга успешного отражения противника и спасения материальной части на переправе принадлежит еще одному подразделению... многотиражной газете!

Редактор газеты Плетнев, прибыв со своими двумя автобусами к берегу, узнал, что его очередь переправляться еще не подошла.

— Это хорошо! Успеем газету выпустить,—довольно пробурчал Плетнев. — У него уже была набрана первая страница, где приводились цифры фашистских потерь и сообщения Советского Информбюро.

Кто-то подал мысль: подкинуть в прикрывающие части одну первую страницу. Будет как листовка.

Пачки газет-листовок были немедленно отправлены на позиции. Но бойцам газета не попала. Она досталась... немцам. Мотоциклист, подвозивший газету, прибыл к расположению арьергардных частей в момент, когда неприятель открыл сильный артиллерийский огонь.

Взрывная волна опрокинула мотоцикл нашего связного. Пачки с газетой рассыпались по дороге. Ветер рванул их в разные стороны, и бумажный смерчь завертелся над неприятельской пехотой. Это немедленно привлекло внимание немецких солдат. Они набросились на листовки, забыв об атаке. Немецкие офицеры кинулись к солдатам, стали обыскивать их карманы, отбирать газеты. Видимо, офицеры готовы были рискнуть атакой лишь бы уберечь своих солдат от советских листовок. Но солдаты продолжали подбирать летящие газеты и засовывать их в мундиры. Второпях только немногие из фашистов успели заметить, что «листовки» напечатаны на русском языке.

Случай с газетой задержал немецкую атаку на 30 минут! Это было как раз то время, которое понадобилось нашей части для завершения переправы. Последним двинулся на тот берег со своими автобусами редактор Плетнев. Перепачканный типографской краской, он удовлетворенно рассматривал газету, не подозревая, что она натворила у немцев.

...К утру часть переправилась и уже рассредоточилась в лесах. Наша артиллерия на предельно больших дистанциях через реку громила колонны мотопехоты противника. В течение дня я по поручению Галицкого остаюсь на переправе с капитаном Никольским. Организуем переправу буксировочным трактором отставших и застрявших машин.

Через нас с визгом и ревом беспрерывно летят артиллерийские снаряды. Раз десять налетала и бомбила вражеская авиация. Но что это за летчики? Котята слепые! Груз, сброшенный ими на переправу, равен десяткам тонн, но от этого не пострадала ни одна наша полуторатонка.

От бомбежки прячемся во ржи. Приветливо кланяются нам золотистые тяжелые колосья. А василечки, эти вечные спутники хлебного моря, десятками тысяч голубеньких глаз проглядывают сквозь ржаные былинки.

Почти совсем созрела нива. Со дня на день надо бы приступать к уборке, а тут эта проклятая, затеянная фашистами война. Но все равно гадам-фашистам ни колоса не оставим. Сами сожжем его! Подыхайте с голода, несущие голод!

...Вечером на переправе меня ранило. Осколком авиабомбы вырвало вместе с куском сапога кусок мышц из верхней части стопы, на самом сгибе. Быстро закрутили бинтами. Сгоряча совсем не чувствую боли. Вот сволочи, думаю, с белофиннами, что ли сговорились, угодили опять в правую ногу, в которую был ранен в Финляндии...

Опять вытягиваем машины. Я поправлял железный трос у трактора. Обрыв. Удар тросом по той же ноге, немного выше раны. Теперь уже и прыгать не могу. На одной из машин уехал в лес, во власть медиков.

Какой же из меня вояка с одной ногой? Вот я все жаловался, что записи делать некогда, а теперь пиши сколько угодно. Сегодня я только и способен воевать карандашом на бумаге. Но кому и зачем это здесь надо? Оставят меня где-нибудь в деревне лечиться, а там и немцы подойдут денька через три-четыре...

Когда я об этом думал, подошел Галицкий:

— Загрустили, вижу? Напрасно. Чую, о чем думаете! Никто вас нигде не оставит. Любая машина, любой конь для вас...

Растроганный вниманием и чуткостью Галицкого, я лепечу что-то несвязное.

30 июня

Переправившись через реку, мы заняли район для обороны в лесу. Наши намерения остаются прежние: неуклонно итти на восток, в сторону фронта, на соединение с основными частями Красной Армии.

Просыпаюсь на рассвете в машине...

В тылу, в пяти—шести километрах к востоку, послышался гул тяжелых самолетов. К машине подбегает начальник штаба. Галицкий приказал ему выехать в район, над которым появились фашистские самолеты, и точно выяснить обстановку. В этом месте еще с вечера патрулируют броневики и бойцы мотострелковой роты батальона майора Щуки.

Щука накануне предупредил командование, что на пути нашего следования замечен вражеский самолет, с подозрительной настойчивостью крутившийся над одной из лесных полян. Предположив высадку фашистского десанта, Щука приказал командиру мотострелковой роты Кащееву и командиру бронероты Леонову подскочить к этой поляне и вести за ней и за воздухом наблюдение.

Наша машина помчалась. На горизонте я увидел несколько фашистских самолетов, кружащих над поляной на высоте 500 метров. Останавливаем машину...

Воевать не могу, зато буду записывать все происходящее. Вынимаю свой изрядно потрепанный блокнот. Оглядываюсь по сторонам. Невдалеке от себя скорее угадываю, чем вижу, искусно замаскированных бойцов подразделений Леонова и Кащеева, расположившихся по опушкам поляны в ожидании непрошенных воздушных «гостей». Чувствую, что у разведчиков ушки на макушке.

Но вот гул самолетов становится еще сильнее. Впереди летит вчерашний самолет-разведчик, а за ним 9 транспортных машин. Они считают себя хозяевами положения: безнаказанно идут на низкой высоте. Видимо, думают, что находятся в полной безопасности.

Транспортные фашистские самолеты представляют весьма неприятное зрелище. Громадные, пузатые двухмоторные машины размалеваны черной и желтой краской. Фашистские кресты и свастика буквально налезают друг на друга: они и на плоскостях, и на хвостовом оперении, и по бокам раздутого фюзеляжа.

Пока я набрасываю в блокнот описание этого неприятного зрелища, разведчик делает разворот над поляной. Транспортные машины повторяют его эволюции.

— Будет десант! Приготовиться к уничтожению,— негромко командует Кащеев.

На высоте 300—400 метров, немного не доходя поляны, разверзлось черное брюхо первого самолета. Первое впечатление — взрыв под фюзеляжем, клочковатое облако грязного дыма. Но это не дым. Это серые парашюты, серые комбинезоны парашютистов. Из нижних люков самолета вывалились полтора десятка десантников-фашистов. За ними выбросилась вторая группа...

Каждый из вражеских парашютистов в первый миг в силу инерции летит еще вместе с самолетом. Но вот уже натянулись стропы, надулись купола. Диверсанты болтаются в воздухе.

— Огонь!—с ожесточением выкрикнул на весь лес Кащеев и сам дал первую очередь из автомата по парашютистам. Огонь десятков автоматов и пулеметов сотряс воздух.

В небе трудноописуемая картина. Первое, что бросается в глаза: пули буквально распарывают вражеские парашюты. Точно лопнувший пузырь, парашют сразу превращается в сморщенную пленку и вяло падает на землю вместе со своим «грузом». Первые диверсанты уже достигают земли. Вот они касаются ногами зеленой луговины. Но что это? Ноги у бандитов подламываются, точно глиняные: на поляну с воздуха падают трупы фашистов.

Считанные минуты длился воздушный бой. Самолеты выбрасывали диверсантов, как горох. Многим из них удалось опуститься живьем. И вот уже идет наземный бой. Фашисты яростно защищались. Приземляясь, они тут же залегали и мгновенно открывали огонь из автоматов. Фашисты уже поняли свое безвыходное положение. Они уже прокляли своего неудачного поводыря-разведчика. Офицеры, однако, пытаются организовать на поляне круговую оборону. Всего ведь сброшено около 150 человек.

Но какая цена круговой обороне, когда здесь почти за сутки отлично подготовлено круговое нападение.

Со всех опушек леса из травы, из кустов, с деревьев вели ожесточенный прицельный огонь щукинские стрелки и пулеметчики. Потери есть и у нас. Я вижу,

как, обливаясь кровью, падает невысокий смуглый боец, как командир стрелкового взвода младший лейтенант Калмыков получает ранение в челюсть. Бедняга! Он не может говорить, командовать. Хочется бросить блокнот и стать на место Калмыкова. Слежу за ним глазами. Оказывается, его и не нужно замещать. Несмотря на исковерканный рот, младший лейтенант продолжает разговаривать с врагами языком своего автомата.

Немцы падают на поляне, как мухи. В отчаянии они делают попытки бросаться в атаку, но всякий раз тут же натыкаются на пушечный и пулеметный огонь броневиков Леонова и Лося.

Гады почувствовали неминуемую гибель. В ядре оставшихся в живых парашютистов уже утрачено всякое управление. Бросая оружие, они с диким, приглушенным воем бегут врассыпную.

Прорвалось сквозь засаду и разбежалось по лесу лишь несколько десятков фашистов. На поляне валяется 80 трупов вражеских парашютистов. Попытка врага отрезать нам пути отхода, нанести внезапный удар ножом в спину потерпела крах.

...Мы возвращаемся на командный пункт. Вслед за нами на грузовиках щукинские разведчики везут богатые трофеи: автоматы новейшего образца, ручные пулеметы, гранаты, оптические приборы, взрывпакеты, несколько минометов. В сумках и карманах убитых парашютистов оказалось много фальшивых документов на имя советских граждан и бойцов Красной Армии.

На бритвенных приборах, париках, зеркальцах, припасенных фашистами, — клейма французских фирм. Видимо, это были опытные десантники, побывавшие с таким же «визитом» во Франции. Им легко было прыгать над Елисейскими полями и шарить на полках парижских косметических магазинов. На наших советских полях они нашли свою могилу.

Можно закрыть блокнот. Но через полчаса я снова лезу за ним в карман, чтобы записать рассказ о боевой инициативе и сметке двух наших связистов — Линько и Лукача. Пока шло уничтожение парашютного десанта, они вели телефонную линию к одному из наших фланговых подразделений. Связисты пересекали шоссейную до-

рогу и раздумывали: закопать или подвесить провод. Но вдруг невдалеке показался немецкий мотоциклист.

— В канаву! — крикнул Линько.

Ребята спрятались, не успев как следует подвесить и натянуть провод.

Мотоциклист во весь опор приближался, но вдруг резко затормозил машину и разразился ругательствами. Провод болтался на уровне руля мотоцикла и мешал ехать. Фашист, очевидно, считал провод своим. Он его слегка приподнял и продвинул вперед машину. Но, видимо, ему предстояло ехать по этой дороге обратно. Что-то пробурчав, он вынул тетрадь, вырвал из нее несколько листков бумаги и повесил их на кабель. После этого мотоциклист укатил.

— Вот видишь, немец недоволен нашей работой. Провод плохо натянули, — промолвил Линько своему товарищу.

Но Лукач молчал и сосредоточенно смотрел на подвешенные немцем бумажки. Наконец, он проговорил:

— Вот вернется—доволен будет. — И с хитрой улыбкой добавил:

— Давай попробуем его поймать. Совсем нетрудно.

— А как?

— А знаешь, как диких лошадей-мустангов ловят. На них индейцы петли накидывают. Лассо называется. А мы наподобие этого сделаем.

Закипела работа. С провода сброшены выдающие его бумажки. Лукач ложится в канаву по одну сторону дороги, Линько — по другую. Провод они положили поперек шоссе и взяли его в руки.

Началась репетиция: по сигналу Лукача провод вскидывается вверх на уровень получеловеческого роста. Так проделали десятки раз. После каждого взмаха вслушивались, не возвращается ли мотоциклист.

Вскоре послышался треск мотора.

...Мотоциклист с каждым мгновением все ближе и ближе. Вот он на большой скорости должен перескочить лежащую на шоссе черную нитку провода, но провод вдруг с молниеносной быстротой вырастает на уровне его шеи.

Удар. Вскрик. Седок срублен с машины. Мотоцикл вместе с прикрепленным к рулю пулеметом, пролетев вперед, перевернулся в кювет. Мотоциклист стиснут за горло железными руками отважных связистов...

Прошел еще один день нашей борьбы в тылу врага.

1 июля

Запишем о «будильниках».

Они появились ровно в 6 часов утра, зеленые с черными крестами на концах плоскостей. Пять бомбардировщиков с обычного прямолинейного полета бестолково швыряют малокалиберные бомбы. Люди просыпаются, торопливо протирают глаза.

— Прямого попадания в меня не было?—спрашивает шутник.

— Кажется, нет,—серьезно успокаивает сосед.

Некоторые продолжают в укрытиях крепко спать. На них не действуют никакие бомбежки. Человек ко всему привыкает.

Пятерка улетела. На командном пункте снова спокойно, в отрядах тоже.

— Кабы опять не вернулись,—опасливо говорит боец с забинтованной рукой.

— Ну, и что же, со страха помирать, что ли?— замечает другой. — Давеча бомбы летят, а один дядька в белой рубашке пашет и пашет...

Командир Галицкий вышел из машины после трех часов сна.

— Обстановка? — обращается он к оперативному дежурному.

Это и приветствие и начало работы.

Пока докладывается обстановка, командир успевает умыться, почистить зубы...

— За два дня мы немало насолили немцам, — говорит он начальнику артиллерии, такому же суровому, молчаливому, как и он сам. — Они наверняка постараются расквитаться с нами с воздуха.

В самом деле, позавчера мы их обманули с переправой, уйдя без больших потерь. Вчера истребили вражеский десант.

Командир отдает приказания всем командирам частей и начальникам служб особо тщательно замаскироваться.

— За полтора часа всем глубоко зарыться в землю. Враг знает контуры нашего лагеря. Ему даже известен мой командный пункт. Огонь по самолетам ведут только снайперы и зенитные подразделения. Патроны экономить.

...И вот в небе над нами появляются стройной колонной на большой высоте 32 фашистских бомбардировщика. Мы сначала приняли их за эскадру, пролетающую мимо нас со специальным заданием для бомбежки какого-нибудь крупного об'екта.

Флагманский корабль фашистской эскадры вдруг делает резкий клевок. Какой-то сигнал... Самолеты стали разворачиваться над нашим лесом девятками и звеньями.

— В укрытия!

— Самолеты с пикирования набросились на лагерь. Наших войск не мало, но и лес велик. Он гостеприимно укрывает нас своей густой листвой. А главное, что спасало, — щели, укрытия.

Фашисты около часа бомбили, стреляли из авиапушек, прочесывали лес пулеметными очередями. Все кругом замерло. Лишь на дальних опушках с ожесточением рявкали орудия зенитного дивизиона капитана Мачуйского.

Сбросив весь груз бомб, самолеты улетают назад. Из блиндажа выходит Галицкий.

— Донесения о потерях? — требует он у пункта связи.

— Первым донесениям о потерях Галицкий просто не верит: единицы убитых, десятка два раненых.

— Еще раз проверить и снова доложить!

Проверка ничего не изменила. Но вот чем дополнились донесения по телефону:

«...Снайпер части тов. Пасюкова, красноармеец Семинеев двумя выстрелами из винтовки сбил двухмоторный бомбардировщик. Самолет валяется около нас. Экипаж убит. Все бойцы очень рады. Смотрят сейчас машину, качают Семинеева...».

На лицах довольные улыбки.

«Что-нибудь натворил и Мачуйский»,—думаю я. Но донесения от него пока нет. Куда поехать? Хочется и к самолету и о зенитчиках узнать что-либо.

Подвернулась машина. Еду к Мачуйскому. Всюду закопченные медные гильзы, снаряды, разорванные на куски маскировочные сети. У орудий нет ни одного из бойцов. Что за чудо?

Наконец, под одним из орудий нахожу окровавленного бойца. Живой, ранен в ногу, перевязан. Фамилия Чужва. Наводчик орудия.

— Где народ?

— Убежали к самолетам,—отвечает наводчик.

Из небольшого перелеска выходят веселые, возбужденные и все чумазые от пороховой копоти зенитчики. Они горячо обсуждают вопрос: какие же из батарей сбили самолеты?

— Пойдемте, я хочу показать вам «работу» дивизиона, — говорит Мачуйский.

В километре друг от друга на земле догорают два фашистских бомбардировщика. Экипажи убиты.

— Давайте,—кто «виновник торжества»?

— Трудно сказать.—Мачуйский разводит руками.— Запишите командиров орудий: Бражник, Павлов, Белоусов, Змейков. Наводчики: Чужва, Кружно, Петрик, Степанов...

В дивизионе ранен один наводчик Чужва. А ведь это был поединок дивизиона с 32 вражескими самолетами!..

Вечером на командном пункте появился тот, кому мы обязаны посещением вражеской эскадры.

Перед батальонным комиссаром Демажировым под конвоем двух разведчиков стоял со связанными назад руками пожилой худощавый человек в новой ослепительно белой льняной рубашке. Глаза его дико бегали по сторонам.

Разведчики поймали его за очень странным занятием во время авиационной атаки. В то время как все крестьяне укрылись от фашистов в лесах, этот «труженик», надев празднично белую рубашку, выехал в

327302

поле. В километре от нашего командного пункта он пропахивал картошку.

Пропашку он начал еще до появления вражеских самолетов и с подозрительным бесстрашием продолжал ее во время бомбежки.

Как только кончился налет, разведчики Корнейчук и Плахта, наблюдавшие за работой «пахаря», подбежали к нему.

— Дядька, ты чего не укрываешься? Разбомбить могут.

— Они, сыночки, все равно целиться не умеют. А картошка-то не ждет.

Разведчики, разглядывая картофельное поле, вдруг заметили: свежие борозды проложены не только вдоль картофельных гряд но и поперек их, и наискось. Все они тянулись в сторону рощи с командным пунктом, лучами шли и в направлении огневых позиций артиллеристов.

— Что это за борозды?

— Так у нас пропахивают.

Бойцы переглянулись. Подозрительное дело. Нужно доставить «пахаря» к командиру.

Но итти он наотрез отказался. Пришлось применить силу.

И вот он стоит теперь перед нами—презренный шпион, продавший фашистам родину. До присоединения Западной Белоруссии к Советскому Союзу он был известным на всю округу кулаком.

Припертый к стене, кулак Гончарук откровенно во всем признался: работает агентом фашистской разведки 4 месяца. Специальность — «наводчик». Это он наводил утреннюю фашистскую пятерку. По его же целеуказаниям действовала и эскадра. Он работает уже несколько дней. Белая рубашка — условный опознавательный знак; направление борозд — указывает цели.

Наводчик фашистских самолетов расстрелян.

Расположение нашего лагеря точно известно врагу. Больше, чем сама бомбежка, взволновал нас этот случай.

Командиры и политруки призывают бойцов к еще большей бдительности. Галицкий отдает приказ:

— К утру нас здесь не должно быть.

Все готовятся к ночной перебазировке.

Солнце медленно закатывается, разбрасывая на прощанье золотистые лучи. Но сейчас не до восхищения небесным светилом. Оно мешает нам.

— Скорей бы за лес завалилось,—нетерпеливо говорят командиры.

Нам позарез нужна ночь. Она длится всего четыре часа, а мы должны к утру быть в 30 километрах отсюда.

Кончаю запись. Сейчас уезжаем. Поесть бы теперь хорошенько! Но у нас нет продуктов. Уже двое суток, как мы все, бойцы и командиры, ничего не ели. Голод— пренеприятная штука. На эту тему можно было бы очень долго разглагольствовать.

Но, хватит. Поехали...

2 июля

Всю ночь передвигались без огней, без шума, без разговоров вслух. Артиллерийские колонны пошли по грунтовым дорогам, чтобы было меньше грохота. При пересечении шоссейных дорог и железнодорожных переездов орудия тихо перекатывались по разостланным красноармейцами шинелям.

После тщательной разведки района начальник штаба Подорванов вместе с командирами, делегатами связи, регулировщиками выбрались вперед. К подходу колонн все было готово. Прямо с марша колонны без малейшей задержки на дороге занимают в лесу свои места. Строго продумана система охранения. Непосредственно с марша расставляются силы для круговой обороны.

...Рассвет. Воздушные разведчики врага еще не появлялись, а мы в утреннем тумане уже заканчиваем последние маскировочные приготовления. Нас ведь такая махина: много людей, машин, коней, орудий... И все это благодаря опыту истекших дней врастает в лес, сливается с ним.

Утро. Доносится гудение самолетов - разведчиков. Но пусть попробуют они сегодня что-нибудь заметить

в лесу, где каждый стрелок—пенечек, каждая пушка — куст.

Только сейчас стало окончательно известно, что задумал командир на сегодня. У Галицкого все мы о своем ближайшем будущем могли знать только одно: с минуты на минуту начнется бой. Будь к нему готовым! Что же касается привала,—можно себя не обнадеживать. Будет подходящее время—будет и отдых. А пока рассчитывайте на худшее.

Сейчас Галицкий приказал сделать дневку. Итак, затишье. Но уж лучше его и не было бы! Точно кто схватил тебя за горло. В глазах темно, тошнит. Снова подкатились гнетущие мысли о пище. Третьи сутки во рту никто не имеет ни крошки. Вчера разведчики достали несколько крынок молока. Его поделили ложкой среди раненых красноармейцев, в большинстве разведчиков... До чего хочется молока! Я выпил бы крынку, две, десять...

Далеко на юге в небо вырвалось пламя пожара. Что бы это значило? Никаких стычек, перестрелок... Опять какой-нибудь сигнал «наводчика». Не рубашкой, так огнем.

Оказалось совсем другое.

...Бойцы, посланные к месту пожара, вскоре вернулись оттуда вместе с двумя полуголыми крестьянами— мужчиной и женщиной. Клочья истлевшей от огня одежды еле прикрывают их израненные тела, с черными ожогами и волдырями.

Крестьяне Перлов и Верова чудом спаслись от мучительной фашистской казни. Вот что я записал в свой блокнот со слов 50-летнего Перлова.

В деревню Г. в'ехали на грузовиках свыше 300 фашистов. Они сразу же бросились по домам, требуя хлеба, мяса, яиц... Грабежу подверглись все хаты. В доме Перлова и его соседей было спрятано 12 раненых красноармейцев. Фашисты их обнаружили. Бандиты хотели тут же прикончить бойцов, но затем начали ловить крестьян и загонять их в те же хаты. Потом избы заперли извне, двери подперли столбами и офицер что-то скомандовал. Послышался треск разгоравшихся сучьев. Вспыхнуло пламя. Люди пытались бежать через окна,

но звери-фашисты открыли пулеметный и винтовочный огонь. Лишь немногие сумели выскочить из огня, уцелеть от пуль и пробиться сквозь немецкие посты.

— Вот спаслись и мы,—тихо говорит Перлов.—Схоронились в овраге. Видели, как горела вся наша деревня со всеми людьми. Все спалили, проклятые ироды!

Перед нами живые свидетели и жертвы средневековых злодеяний немецких извергов. Как я потом узнал, фашистские инквизиторы сожгли на костре свыше 100 беззащитных людей, главным образом, детей и женщин.

— Отомстим гадам!—сказал кто-то.

— Сегодня деревню уже не спасти, а за местью дело не станет,—сдержанно ответил Галицкий.—Через час об этом узнает все население округа. Оно будет вместе с нами мстить извергам.

Командиры услышали от Галицкого очень важные соображения о том, как далее вести войну партизанскими методами. Крепко запомнилась основная мысль: успешная партизанская борьба с врагом даже регулярной части немыслима без опоры на местное население.

...В окрестные населенные пункты отправлены специальные разведывательные группы. В их составе, кроме разведчиков, еще и командиры, политработники, хозяйственники.

Эти группы направились в деревни, чтобы разведать неприятеля и дать знать о нашем отряде оставшимся жителям—старикам, женщинам, детям.

Уже ночью мне рассказал батальонный комиссар Корпяк, что он со своей группой проник в дырявый сарайчик, приютившийся на одном из огородов деревни Н. В этой деревне были немцы. Корпяк поманил рукой проходившего мимо мальчонку. Дело было сделано. Спустя некоторое время в сарайчик приковыляли два старика. Они сообщили ценные сведения о неприятеле, а Корпяк поведал им наши нужды и указал направление к бивуаку отряда. Так же действовали и другие разведывательные группы.

Не прошло и нескольких часов после их ухода, как на пункт связи посыпались донесения о задержании «подозрительных вольных» граждан. Поражала одна деталь: все эти люди почему-то застревали в охраняю-

щих подразделениях и не доставлялись на командный пункт для допросов.

Я попросил разрешения проехать по этим подразделениям посмотреть на задержанных. Прибыл в подразделение Галкина. Спрашиваю:

— Где задержанные, арестованные?

Командиры почему-то мнутся. В явном недоумении и смущении они отвечают:

— Вот... здесь они... задержанные...

В густом ельнике на лужайке передо мной открылась неожиданная картина. Окруженные большой группой бойцов, сидели крестьяне и крестьянки в своих белорусских костюмах. Шел оживленный разговор, во время которого бойцы то и дело не забывали прикладываться к многочисленным батареям из крынок и бутылок с молоком.

Еду дальше. В подразделении тов. Горчакова застаю, кроме четырех взрослых крестьян, целую ватагу загорелых, простоволосых и босых ребятишек. Все они принесли продукты для красноармейцев. Дети оказались весьма осведомленными разведчиками. Нам было подробно доложено: сколько, по каким ближайшим дорогам и с каким оружием прошло немецких войск.

Деду Куприяну — крестьянину деревни, в которой побывал Корпяк, удалось вывезти из-под носа немцев целый воз картошки. Фашистскому часовому дед Куприян сказал, что едет на немецкий реквизиционный пункт, а сам, подвергаясь нешуточной опасности, свернул в лес, к нашим.

Вернулись из глубоких рейдов и все другие разведывательные группы. Каждая из них, кроме сведений о враге, принесла с собой запасы продуктов.

Сегодня был прекрасный ужин: ели картошку и мясо с хлебом.

Крестьяне удовлетворенно наблюдают за нашим пиршеством. А я смотрю на деда Куприяна. Он сидит под елью, положив на колени крупные жилистые руки— могучие руки пахаря, и, глядя на него, я думаю: «Вот такой, верно, был русский былинный богатырь Микула Селянинович». Тысячи этих Селяниновичей отстаивали

свою родину в борьбе с иноземными завоевателями. Отстоят они ее и теперь в великой отечественной войне.

3 июля

...В штабе с вечера не ложились спать—готовится план дневного боя с фашистами: нужно пробиваться дальше, выходить из окружения.

В полночь около полевого столика командира появились две тени. Лишь приглядевшись, я узнал Корпяка и деда Куприяна. Старик привязался к батальонному комиссару с первого их знакомства в деревенском сарайчике. Они как-то сразу прониклись взаимным уважением и доверием друг к другу. Сейчас с косматой непокрытой головы Куприяна и с плеч свисают водоросли и мох,—он похож на водяного, вылезшего из болота. Мокрые штаны и рубаха плотно облегают его крепкое тело. Корпяк, тоже мокрый до нитки, вытянулся перед Галицким.

— Товарищ командир, разрешите доложить о результатах разведки.

— Где это вы так вымокли?

— Пришлось в одном месте вести наблюдение из пруда...

Корпяк и дед Куприян сообщили, что фашисты, спалившие вчера деревню Г., разгромили в соседней деревне винный магазин, перепились и теперь многие из них спят беспробудно.

— Это очень кстати... В таком случае выступаем не на заре, а немедленно,—решил командир.

Над уснувшим лагерем пронеслась, как порыв ветра, короткая команда:

— В ружье!

Бойцы повскакали, поправляя оружие, противогазы... Через пятнадцать минут после под'ема мы уже двигались под покровом ночи.

Марш-бросок на семь километров. Командиры подразделений беспрерывно, на ходу получают сведения о неприятеле. Разведчики подтверждают: три батальона мотострелкового полка расположились на ночлег в двух селениях вдоль шоссейной дороги, отдыхают после вчерашних «подвигов»...

Подойти к этим деревням скрытно нам не позволяет чистое поле. По дороге снуют фашистские грузовики. Наши подразделения развернулись на опушке леса. Здесь установили артиллерию.

Мне очень досадно, что я не смогу увидеть собственными глазами предстоящий бой. Нахожусь с машинами в густом лесу, вдали от подразделений. Галицкий с оперативной группой умчался на броневиках вперед...

...В лагере застигнутых врасплох фашистов раздались первые беспорядочные выстрелы из автоматов, взрывы гранат. Начинает палить наша артиллерия. Мне, артиллеристу, любо слушать этот веселый гром. По выстрелам пушек и разрывам наших снарядов я догадываюсь, что наши батареи непрерывно переносят огонь в глубину расположения фашистов, значит, враг отходит. Бой разгорается все сильнее. Артиллерия фашистов почему-то не отвечает. Очень хорошо!

А вот что рассказали мне очевидцы. Фашисты, разбуженные нашими снарядами, выскакивали на улицы, не успев как следует одеться,—так и вступили в бой босые, обалдевшие, полусонные. Но у босых было то преимущество, что они могли быстрей удирать от наших бойцов. Удрали и шоферы на грузовиках, покинув на произвол судьбы пехоту...

Дед Куприян вместе с бойцами бежал впереди, размахивая дубинкой. Ребята видели, как он молотил своим «оружием» по голове одного фашиста, отставшего от своей шайки потому, что в панике успел натянуть только один сапог...

Фашисты бежали, оставив нам обоз и свыше 150 убитых и раненых. Мы потеряли около тридцати человек.

Бой окончился на рассвете. Я видел радостные лица наших бойцов, возбужденных, счастливых, что им удалось отомстить фашистам за их зверскую расправу над беззащитными крестьянами, за сожженную деревню, за убитых женщин и детей.

Дед Куприян явился с поля боя с лопаткой в брезентовом чехле, на котором чернели немецкие инициалы владельца лопатки.

— Добрая штука, острая,—сказал Куприян, проводя

заскорузлыми пальцами по лезвию.—Картошку ей удобно копать.

...Хотя мы и основательно всыпали фашистам, однако к полудню они опомнились и стали обстреливать нас из орудий. Кое-где появились их небольшие танковые группы. Пришлось остановиться и занять оборону.

На одном из участков с утра находился батальон капитана Иванченко—бывалого командира с двумя орденами на груди. Этот батальон вдруг пропал: с двух часов дня о нем ни слуху, ни духу...

— Тула! Тула!!—выкрикивал осипшим голосом телефонист с командного пункта, вызывая батальон Иванченко.

Молчание. Опять:

— Тула! Тула!!

И вдруг «Тула» заговорила!

— Где же вы пропадали? Почему не отзывались?

Отвечал сам капитан Иванченко. Он говорил какими-то непонятными фразами:

— Пошли на базар, попали на ярмарку. Раскупили главный балаган, приценяемся к остальным. Пусть помогут Бородин и Галкин. Адреса имеются.

Как только он назвал фамилии командиров артиллерийских частей, все стало ясно: Иванченко попал в какую-то беду, и помогать ему должны Бородин и Галкин своим артиллерийским огнем по вражеским «балаганам».

Иванченко тут же сообщил координаты целей на карте, по которым нужно готовить огонь.

Но что же все-таки случилось с ним? Очень смелый и решительный, тактически грамотный командир Иванченко еще не освоился с новыми партизанскими методами войны—налетел, разбил и скрывайся. Развивая успех стычки с фашистами, он начал их преследовать, увлекся и очутился на глубине пяти километров от нас, в самом стане врага, в окружении моторизованной пехоты. По мере продвижения батальона связисты продолжали разматывать телефонный провод, который вскоре перепутался с проводами фашистов...

Даже Галицкий ахнул, когда определил на карте местонахождение батальона.

— И он еще ухитряется держать с нами связь, разведку вести, давать координаты! Вот Щуке есть чему позавидовать. Немедленно выручить Иванченко. Кстати, с его помощью надо крепче ударить по фашистским мотополкам.

За два часа до наступления темноты началась артиллерийская канонада. А в темноте Иванченко должен был уже выводить свой батальон.

Долго будут помнить фашисты эти два часа! Враг не находил места, чтобы укрыться от нашего артиллерийского огня. В течение восьми часов Иванченко вместе с приданной ему легкой батареей младшего лейтенанта Якушина находился буквально в пасти врага. Их телефонный провод, как я уже сказал, переплетался с фашистскими проводами, и благодаря охране... немецких связистов ни разу не был порван—связь поддерживалась непрерывно. За день Иванченко и Якушин передали нам координаты десятков важнейших целей. А когда мы открыли огонь, они корректировали его, следя за тем, чтобы самим не попало по макушке снарядами.

Но вот Иванченко условной ракетой подал нам сигнал:

«Прекратить огонь. Начинаю действовать сам».

Умолкли орудия, и тотчас же из темноты по тылам врага начали бить пушки, минометы и пулеметы батальона Иванченко. Немцы поняли, что попали в ловушку. Неся огромные потери, они начали разбегаться.

Истребляя на пути бегущих фашистов, Иванченко со своим батальоном продвигался к нам. Через некоторое время мы услышали радостные крики его бойцов: «Ура! Да здравствует Сталин!». Батальон соединился с нами...

Оказывается, немцы в течение всего дня готовили ночное наступление, но Иванченко испортил им всю музыку. До последнего момента, как показали пленные, фашисты и не подозревали, что рядом с ними находится наш батальон.

Иванченко привел всех своих людей со всей материальной частью да еще вдобавок захватил 40 пленных. Они несли на палатках семь наших раненых бойцов. Убитых в батальоне не было. Огнем же нашей артилле-

рии, по свидетельству пленных, убито и ранено свыше 400 фашистов.

Я подковылял на костыле к Иванченко:

— Назови самых храбрых.

— Все до одного.

— Ну, а все-таки?

— Вот старшина Драчук. У него и фамилия подходящая—дрался весь день без отдыха. Еще с утра тяжело ранен в руку. Мог бы в госпиталь лечь, а ушел с нами. Молодец!

Галицкий очень доволен боем.

— Об'явите благодарность батальону Иванченко,— приказал командир начальнику штаба.

Я впервые слышу, что Галицкий об'являет благодарность. Значит, действительно сделано большое дело!

4 июля

...Сегодня на рассвете я в дивизионе старшего лейтенанта Попова. Давно у него не был, с тех пор, как он расстрелял своей батареей в упор 18 немецких танков, прорвавшихся на огневую позицию. Мы с ним тогда вместе пальцами пересчитали эти гробы. Теперь Попов командует уже не батареей, а дивизионом.

Взгляд мой падает на артиллерийских коней. Они истощали, давно не видели овса, питаются подножной травой. Все тяготы походной жизни вместе с нами испытывают наши четвероногие боевые товарищи—кони и связные собаки. У многих коней потерты плечи и, чтобы уменьшить страдания животных, ездовые сооружают на хомутах подушки вокруг растертых ран.

Люди сутками в боях не спят, не едят, каждые пять минут сна здесь более драгоценны, чем два часа в мирное время. И все же первая свободная минута отдается прежде всего коню, боевому оружию.

Вот и сейчас ездовые прохаживаются конской щеткой по тощим и жилистым телам животных. Один боец, не забывая наставления по уходу за конем, протирает тряпочкой глаза своему четвероногому другу. Он с ним о чем-то разговаривает... Приближаюсь. На ломаном русском языке боец-узбек говорит коню:

— Не скучай, Колорит! Видишь, никто не скучает. Сейчас воду пить будешь. Хорошую воду! Овес хочешь? Ай-яй-яй! Какой капризный! Потерпи немного—немцев поколотим, овса тебе дам много-много.

— Товарищ, как ваша фамилия, — спрашиваю.

— Красноармеец Гуссейнов!

Тут я замечаю, что в руках у Гуссейнова вовсе не тряпочка, а носовой платок.

— Что же, вместе пользуетесь?

— Нет, я ему совсем подарил. А мне одна девушка обещала 24 штуки прислать...

С дороги к нам свернуло в полной запряжке орудие. Вел его командир огневого взвода Самсонов. Люди возбуждены и чем-то очень довольны, хотя вид у них такой, точно они только что вышли из атаки. Черные от пыли и копоти лица с бурыми полосками на висках —следы пота. Гимнастерки, ставшие вместо зеленых серыми, насквозь мокры, прилипли к телам бойцов.

— А, кочевники! Как дела?—обрадованно встретили бойцы прибывших. Они стали рассказывать.

И вот что я коротко записал в свой блокнот о делах «кочевников»: в прошлую ночь это орудие получило приказание быть «кочующим», т. е. переезжать с одного места на другое и изображать собой действующую батарею.

Зачем это надо? Став на огневую позицию, орудие дает несколько выстрелов.

«Есть батарея», — немедленно запишут звукометрические станции немцев и отметят на карте.

«Нет батареи!»—скажет Самсонов, покидая через пять—десять минут огневую позицию.

Орудие скачет на километр в сторону и проделывает там ту же операцию. Иногда по этому орудию противник дает несколько выстрелов, но, как правило, безрезультатно.

— Сейчас у противника числится на карте 9 наших батарей. Вот смотрите, какой погром на заре устроят немцы,—улыбаясь говорит грубоватым голосом Самсонов.

На всех точках, где побывало орудие, огневой расчет занимался, кроме того, еще одним делом—очковти-

рательством, как говорят бойцы: нарубались кусты и делалась ложная маскировка огневых позиций батареи. Это—для авиации, которая «обнаружит» наши «батареи» и этим подтвердит данные звукометрических станций.

— Ну, а пока там немцы будут громить наши «батареи», мы здесь коней напоим, помоемся, оружие почистим,—сказал Самсонов.

Мне не терпится—скорей бы попасть на какой-нибудь из наблюдательных пунктов, чтобы полюбоваться занимательным зрелищем — разгромом наших несуществующих батарей.

...Прибыл на командный пункт майора Бородина. Успел. Устраиваюсь в блиндаже, у стереотрубы. Замечательный обзор местности.

Наша линия обороны проходит по оврагу, заросшему густым ивняком. На флангах лиственный лес с почти непроходимыми болотами. Тактическая обстановка на этом участке не давала повода для жалоб, но ситуация в целом была для нас неблагоприятной. Продвигаясь на восток к фронту на соединение с основными частями Красной Армии, мы безболезненно ускользали от численно превосходящего нас противника, идущего с запада. Но уже вчера мы вели бой с вражескими частями на юге. Разведка нащупала фашистов на севере. Сегодня встречен артиллерийский заслон на востоке.

Кольцо окружения сжимается все сильнее—не пробьешься, не выйдешь...

Галицкий решает: прежде чем пробивать в лоб этот заслон или прорываться из кольца в ту или иную сторону, нужно выявить огневые средства противника и систему его огня. Где слабее, туда и удар! Где тонко, там и прорвать!

Снарядов осталось у нас считанное количество. Они нужны для решительного боя. А выявлять противника снарядами—большая роскошь. На помощь приходит инициатива, военная хитрость и сметка советских людей.

Для начала пущены в ход ложные батареи, «кочующие» орудия.

...Немцы дали первые залпы по «батареям». Одновременно с огнем вражеской артиллерии в небе появился фашистский самолет-корректировщик. «Недолеты», «пе-

релеты», «прямые попадания» и прочее—все это цифрами, кодом передает по радио корректировщик своим батареям.

Огненным шквалом противник пытается уничтожить наши «батареи», обрушивая на них все новые и новые тонны снарядов.

Вот уже два часа мы сидим в блиндажах, а яростная артиллерийская стрельба неприятеля не умолкает.

— А ну, еще немного поддайте,—шутит Бородин, уже составивший себе отличное представление о расположении и системе огня немцев.

Бородин готов хоть сейчас обрушиться своими настоящими батареями и дивизионами на фашистскую артиллерию.

— Ничего, пусть поизрасходуются,—говорит он.

— А немцы неистовствовали и, очевидно, думали: «Что за чертовщина! Бьем два часа, а все девять батарей продолжают отстреливаться, да еще появились новые?»

Дело в том, что в районе ложных огневых позиций в это время раз'езжали три «кочующих» орудия, которые умели и отлично укрываться, и бить по немцам с «новых» или «старых» позиций.

Все реже и реже огонь фашистской артиллерии — поизрасходовались. Пехоту свою они не пустили в ход, видимо, надеясь истребить нас одной артиллерией.

Наконец, перестрелка совсем прекратилась. На поле боя наступил огневой штиль. Стороны осмысливают положение. В такое время самое лучшее быть на командном пункте у Галицкого, чтобы представить себе, что же будет дальше.

5 июля

На командном пункте кипит горячая работа. Березовая густая роща, где расположился штаб, проглатывает десятки под'езжающих мотоциклов, автомобилей, броневиков.

Готовится прорыв. Галицкий то и дело подходит к телефону, коротко отдает спокойные и четкие приказания.

...Восходящее солнце бросает свои первые золотые лучи на обрывки облаков, застрявших на небосводе. Солнце обласкало уже верхушки берез нашей рощи и подбирается теперь к земле, чтобы снять с нее легкий покров предутреннего тумана.

— Щукинцы прибыли? — спрашивает Галицкий начальника штаба.

Из-за кустов появляется начальник разведки майор Щука.

— Прибыли, товарищ командир, но еще не все. Доложу через 10—15 минут.

Щука возвращается к себе в разведывательный батальон. Иду вместе с ним.

По дороге он сокрушенно говорит:

— «Языка» бы, самое главное. Эти не достали. Вся надежда на Кощеева.

Надежды Щуки вполне оправдались: навстречу нам бежал сам Кощеев с докладом о результатах разведки неприятеля истекшей ночью.

— А «язык»?—нетерпеливо перебивает его Щука.

— Достали «языка». Только он, товарищ майор,— виновато добавляет Кощеев, — будто без языка, не разговаривает.

— Что за новость? Откусил что ли? Давайте его сюда!

Два конвоира ведут немца-ефрейтора. Молодой, лет 18-ти, с грязным лицом. Глаза потуплены в землю. Черный костюм танкиста: похожая на лыжную куртка, брюки навыпуск, грубые ботинки. В черных петлицах белый алюминиевый череп над скрещенными костями.

Пленный рассказал, что на юге от нас по шоссейной и железной дороге расположены отдельными кордонами немецкая пехота, артиллерия, а между ними патрулируют танки. Это и есть окружение, обозначенное на немецкой схеме черной толстой линией.

— Мы думали, — говорит пленный,—что за вчерашний день вас совсем разбила наша артиллерия. Мы в танках стояли на отдыхе и были совсем спокойны. Спали в машинах с открытыми люками. Вот ваши и взяли меня через верхний люк.

Здоровенный, с простым широким лицом и громадными руками разведчик Крутко рассказывает как это было:

— Взял я его левой рукой за волосы, а правой за горло, да и вытащил из башни.

Подоспела и другая разведка — глубокая, ходившая на 15—20 километров в тыл врага.

На командном пункте появился дед Куприян, пропадавший где-то целые сутки. По заданию своего друга Корпяка он обошел окрестные деревни, хутора, разузнал, где и какие стоят немецкие силы. Все скопление войск—на двух магистралях. Немцы группами в 100—150 человек занимаются грабежом.

Интересен способ разведки Куприяна. Придя в деревню, он находит там двух-трех своих «корешков», таких же, как и он, стариков. Расспросив их хорошенько, он посылает их в соседние деревни «разузнать все на свете о немцах». Те в свою очередь посылали своих «корешков» дальше. Таким образом, с помощью населения *сразу охватывается разведкой целый район.*

Пришли на пункт и спасшиеся от фашистской расправы крестьяне Перлов и Верова. Их раны *от ожогов* аккуратно перевязаны, на них крепкая одежда. Этих крестьян мы послали найти какую-нибудь больницу, сделать там перевязку и, если возможно, лечь на несколько дней. Крестьяне, однако, не только позаботились о себе, но разузнали многое о немцах и с этими сведениями вернулись теперь к нам.

...12 часов дня. Галицкий по тревоге приказал сниматься командному пункту и переезжать перекатами, по-эшелонно на новое место. Части, однако, остаются на прежних местах.

— Что случилось?—спрашиваю у начальника штаба.

Полчаса назад пролетал разведчик и засек наш командный пункт, а вымпел с координатами, сброшенный им для своих войск, отнесло ветром к нашему переднему краю обороны. Вот все и выяснилось. А пока самолет не пришел вторично—меняем пункт.

Ближе всего в этот момент ко мне находилась машина делегата связи одной из соседних частей. В ней сидели три незнакомых мне командира, которые согла-

сились подвезти меня на новый командный пункт. Ехать всего 4 километра глубоким лесом. Но мы уже двигаемся около часа, никакого пункта не видим. Впереди и сзади ни одной машины, ни одного человека. Остановились. Карта есть, но ориентироваться невозможно. Давно уже с'ехали с основной лесной дороги на какую-то тропинку, никак не обозначенную на карте.

Несколько раз вылезаем, осматриваемся. Командиры ходят кругом машины, но не могут разобраться в обстановке. Продолжаем ехать дальше, искать — тратить драгоценное горючее. Видимо, окончательно запутались. Так исколесили уже около 30 километров. Бензина осталось всего на 2—3 километра.

Командиры принимают решение искать командный пункт или дорогу к нему пешком.

Кто-то предложил нести меня на руках, но я упорно возражаю: долго нести утомительно, а кроме того, если все отойдем, непременно потеряем машину. Наконец, я твердо предложил командирам не терять из-за меня драгоценного времени, немедленно итти на поиски своих войск, а затем найти и меня. Кое-как согласились.

Возможно, что мы уже на территории расположения неприятеля, может быть, друг друга никогда уже не увидим. Распрощались. Мои спутники исчезли в лесной глуши.

3 часа дня. Сижу в машине. Двигаться не могу.

Прошел час. Нигде никого не слышно. Только лес продолжал шуметь приглушенно, да изредка раздается мелодичная трель горлинки.

Что же делать дальше? Машина может привлечь внимание каких-нибудь бродячих немецких разведчиков. Надо из нее убраться и залечь невдалеке.

При мне пистолет и пара гранат, но в машине находятся еще гранат десять. Я связываю их одной веревкой и вешаю на себя. Вместе с шинелью и противогазом всего сразу не перетащить. За два рейса переволок я все это хозяйство на 30 метров в кусты.

Разостлав шинель и зарядив капсюлями все до одной гранаты, я стал наблюдать за машиной.

Со времени ухода командиров прошло уже пять часов, а вокруг никаких признаков жизни. С каждым

327302. БИБЛИОТЕКА при Саратовском университете

часом все тяжелее. Гнетет одиночество. Очень досадно. Столько дней дрались... Наверняка, завтра прорыв, а я в самый канун решающих событий попал в такую дурацкую историю...

Самое главное—не уснуть. Надо быть готовым к защите. А если это будет длиться и завтра и послезавтра?

Проверяю капсюли у гранат. Все в порядке, дешево не дамся.

Нет, все-таки очень тяжело...

...Я спал, и вдруг неистово засигналила машина. В первый момент я обалдел, ничего не вижу. Но сквозь густые сумерки все-таки рассмотрел наших бойцов, стоящих возле «эмки».

— Ребята!!—закричал я.

...Галицкий организовал поиски машины. Он опять спасает меня. Найдены и три командира с шофером. Завтра прорыв. И я снова со своей частью.

6 июля

Сегодня—прорыв. ...Во что бы то ни стало мы должны вырваться. Мы должны разорвать кольцо или погибнуть—другого выхода у нас нет...

Немцы снова сбросили листовки: «Ваше положение окончательно безнадежно», «вас окружает наша броневая и огневая стена»... «сдавайтесь в плен».

— Старая песня! Смените пластинку!—смеются бойцы, разрывая в клочья фашистские бумажки.

Я хожу по лагерю, вглядываюсь в людей, стараюсь проникнуть в их сердца. Обветренные, закопченные, заросшие лица. Сказываются многодневные утомительные бои, недосыпание, нависшая над нами угроза истребления... Мы оторваны от своего, советского мира... Что там? К некоторым бойцам подкрадывается усталость. Кое-кто начинает хандрить...

Под деревом, затаившись от всех, ведут скрытый разговор двое:

— Пройдем? Не пройдем... Убьют.

Им кажется, что маленькими группами легче пробиться, чем всей частью.

Нужно действовать решительно, немедленно. По всем

подразделениям проходят партийно - комсомольские «летучки», заменяющие нам партийные собрания.

С винтовками, автоматами, гранатами на поясах собираются в лесу коммунисты и комсомольцы. Молча быстро занимают свои места вокруг командного пункта, маскируясь в щелях и кустах, в воронках от снарядов и бомб.

Я оглядываю сидящих. Многих не вижу... Нет большевика капитана Журавлева. Тяжело раненый в одном из первых боев, когда своим дивизионом он уничтожил 50 танков, Журавлев лежит в госпитале. Нет жизнерадостного, талантливого наводчика комсомольца Галкина. Он героически пал в сражении, расстреляв из своего орудия 7 фашистских танков...

Коммунисты и комсомольцы расходятся с «летучки», они спешат в подразделения, чтобы последние минуты провести среди бойцов, приготовить их к встрече с врагом...

Спустя час, из соседней деревни пришли крестьяне, сообщили:

— У нас появился «чужой».

«Чужой» был немедленно доставлен в штаб, он оказался бойцом нашей части. Три дня назад Крякин покинул свою часть, ушел в деревню и переоделся там в крестьянскую одежду. Он выжидал, наблюдая, что будет дальше с нами: «Если пробьются, и я тут как тут —гимнастерка и брюки наготове. Погибнут—тогда я к немцам».

Весть о том, что Крякин позорно сбежал и теперь пойман, мгновенно облетела всю часть. Взволнованные бойцы обступили дезертира, выглядевшего сейчас оборванцем, босяком. С возмущением и гневом смотрели они на труса, глаза их светились ненавистью.

— Раздавить эту гниду, — сказал боец с забинтованной головой, сжимая кулаки.

— Опозорил всю нашу часть,—с яростью отозвался другой.

Крякин тупо смотрел в землю, пряча лицо свое от всех, кого он решился предать.

И вот презренный трус стоит перед трибуналом. Ноги его дрожат, голос дрожит...

— Ну, и подлец, — выкрикнул невысокий, веснущатый красноармеец. Лицо его пылало неподдельным гневом... Всего лишь два часа назад он разговаривал с товарищем, прикидывая, не лучше ли прорываться вдвоем. Сейчас это был воин, суровый, полный той чистой внутренней страсти, которая отличает наших людей.

Приговор трибунала краток и беспощаден.

...Болит раненая нога. Чтобы накопить сил для предстоящего боя, я стараюсь хоть немного уснуть в машине. Просыпаюсь от лязга оружия и громкой команды.

— Откинуть приклад! Зарядить!

«Сейчас будет команда «огонь»,—соображаю я спросонья. — Начался бой...».

Я открываю дверцы машины, оглядываюсь—все спокойно вокруг. Возле машины сидят человек двадцать с автоматами в руках, а Корпяк инструктирует их, как нужно обращаться с ними. Он ловко—одной рукой (другая забинтована) заряжает и разряжает немецкий автомат, который он изучил лучше и раньше других.

Неугомонен комиссар Корпяк! Он все время в движении, в работе: то проводит беседу, то в разведке, а теперь вот решил заделаться инструктором-оружейником. «Ученики» старательно повторяют его приемы.

Кстати, все мы стремимся обзавестись немецкими автоматами. К ним легче достать патроны—свои на исходе, а немецкие заполучить нетрудно—налетел смело на фашистскую колонну, навел панику, обратил в бегство гитлеровскую погань—и подбирай оружие.

...Три часа дня. На берегу заросшего осокой болота, под усиленной охраной со всех сторон, Галицкий проводит командирскую «летучку». Командир стоит над развернутой картой, излагает окончательно созревший у него план прорыва.

— Итак, прорываемся на юг. Возможны два варианта. Первый: идем через шоссе и железную дорогу. Всей частью взламываем немецкое окружение в одном месте. Второй вариант: разбиться на три отряда и атаковать врага на тех же дорогах одновременно в трех пунктах.

Галицкий предлагает командирам высказать свое мнение. Все за второй вариант. Командир принял реше-

ние. У него уже заготовлен план разделения на отряды, и он тут же оглашает их состав и имена командиров.

...Над лагерем спускается пасмурная ночь. Такая темнота нам на-руку. Бесшумно, словно на цыпочках, часть оставляет линию обороны и в полной тишине движется по густому лесу. Нам нужно продвинуться на четыре километра на запад и потом внезапным ударом прорвать кольцо окружения. Это не значит, что мы уже будем в полной безопасности. Нет, мы лишь прорвем кольцо внутреннего окружения, но будем еще оставаться на территории, захваченной фашистами. Следующая задача: соединение с Красной Армией.

Отряды продвигаются вперед тремя колоннами. Я в среднем отряде, которым командует сам Галицкий. Машины с места отправлены другим путем, а меня посадили на коня. Еду с болью в ноге, но с радостью в сердце...

Конь то и дело проваливается по брюхо в болото и с трудом выскакивает наметом из трясины. Я доверился его чутью. Темень такая, что не видно ничего в десяти шагах. Только бы скорей, до рассвета выбраться из леса и этих топей к дороге. Разведка торопит: «пока все спокойно, скорей!»

Мы уже в 500 метрах от шоссе, по бокам которого расположились немецкие пехотно-артиллерийские кордоны. По самой дороге патрулируют танки и сплошным потоком движутся машины с пехотой и грузами. Прямо за шоссейной дорогой и параллельно ей тянется железнодорожное полотно. Мы должны пересечь эти дороги стремительным броском.

В час ночи левый отряд подполковника Украинского наносит первый удар фашистам на шоссе. Точно молнией озарилось небо от артиллерийских вспышек, и вслед за этим ночную тишину разорвали залпы наших минометов и орудий кинжального действия.

Левому отряду откликнулся правый артиллерийской канонадой и трелью пулеметов. Наш отряд рванулся вперед и достиг дороги.

Мы вступили в бой. Забрасываем фашистов гранатами, ведём яростный огонь из автоматов и пулеметов. Во всех трех пунктах немцы застигнуты врасплох. Их

охранение проворонило наше приближение. Однако, сознавая свое численное превосходство над нами, фашисты начали бешено отбиваться.

Но в ночное время немцы—плохие вояки. Их артиллерийский огонь с дороги не приносил нам никакого урона. Пехота же, отстреливаясь, стала откатываться вправо и влево по дороге.

Мы устремились на дорогу. Гремит красноармейское «ура». На дороге кромешный ад... Наши гранаты зажгли немецкие грузовики с горючим и боеприпасами. Начали с грохотом рваться патроны и снаряды. Вражеские танки, открывшие сначала безалаберный огонь по темному лесу, вдруг заметили бушующее пламя и дали тягу вдоль дороги... Но там пробка из горящих автомобилей. Я вижу, как вспыхивает головной танк, из него выскакивают фашисты, но со всех сторон на них налетают наши ребята и прикладами молотят по черепам... Багровое пламя освещает шоссе. Лица наших бойцов блестят, словно отлитые из меди. Визжат и воют осколки снарядов и мин... Трещит и рушится огневое кольцо окружения фашистов. Оно уже позади... Мы проваливаемся в густую тьму. Мы ничего не видим. Но знаем: впереди железная дорога, а за ней жизнь.

Мы пересекаем железную дорогу. Здесь фашистов совсем нет. С группой бойцов я прорвался через огненную завесу окружения.

Осматриваюсь. Нас всего 7 человек. Позади беспорядочная стрельба. Рассеянные в разные стороны, немцы, видимо, пытаются снова сколотить свое «броневое» и «огневое» кольцо вокруг... пустого места.

Наступает рассвет. Усталые, грязные мы облегченно вздыхаем—самое страшное позади. Но впереди еще предстоят новые и нелегкие встречи с врагом.

7 июля

Итак, мы прорвались сквозь внутреннее кольцо окружения. Сразу за железной дорогой вышли на грунтовую. Залегаем всемером у обочины. Осматриваемся. В утренних сумерках на больших скоростях пролетают в разные стороны немецкие грузовики с пехотой, отдельные танки. Всполошились, гады...

Мы выбрали большой интервал между двигающимися машинами—проскочили. Бежать бы скорее в глубь леса да искать сборное место отряда, но в кювете мы запутались ногами в каких-то толстых, скользких канатах. Нащупали резиновые жилы. Электрический кабель?! Видимо, немцы, продвигаясь к фронту, ведут за собой высоковольтную линию...

«Вот бы перехватить — рождается мысль.—Но как? Есть там ток или нет?».

— Ладно, видно будет,—говорит лейтенант Минайлов.—Вы смотрите лучше за дорогой.

Взятым у меня кинжалом он начинает резать пару более тонких жил. Две других потолще лежат тут же. Вдруг Минайлов резко вскрикивает и падает. Неужели убило? Бросаемся к нему. Дышит. Оттаскиваем в кусты, расстегиваем одежду. Лейтенант медленно встает. Ударило током. Хорошо, что не очень сильно.

Может быть, бросить нам эту затею? Нет, ни за что! Мы случайно наткнулись на «выгодное дело» и не имеем права пройти мимо него.

— Теперь я попробую, — говорит воентехник 2-го ранга Голешев.

Он подбегает к дороге, становится для изоляции ногами на пару толстых резиновых жил и со всего размаха разрубает плоским штыком тонкий кабель. Резкая искра, шипенье, запах паленой резины, а Голешеву хоть бы что.

— Сметка важна!—не без гордости говорит он.

— А как же с толстым канатом?—спрашиваю я.

— Рубай тоже,—озлобленно говорит Минайлов.

— Убьет, пожалуй,—откликается Голешев. И вот в одно мгновение возник простой, но изумительный план.

— Справа есть мост. Вытащим кабель из кювета на мост, и его раздавит танком,—говорит военфельдшер Калинин.

— Попробуем! Все переползают к мосту. Я оставлен в кювете наблюдать за дорогой. Раза два подавал сигналы—«Идет машина», и ребята залегали.

Дело сделано. Кабель закинут на мост, но, как нарочно,—ни одного немецкого танка. Нет их, а они позарез нужны нам.

— Поджечь,—предлагает Минайлов.

Через пять минут громадное яркое пламя охватило сухой мост, а с ним и немецкий кабель...

Вся эта история отняла у нас всего 20 минут, но мы все-таки отстали от своих. Отряды, прорвавшие окружение и вытянувшиеся к сборным пунктам, долго там не задержались. Впереди не было немцев, и наши быстро двинулись дальше на юг. Остались только одиночные бойцы, которые торопились догнать свою часть.

...Продвигаемся весь день лесами и лугами дальше, стараясь не потерять еле заметные следы наших отрядов.

К вечеру в лесу догнали вышедший из окружения отряд, правда, не нашей части. Командовал им товарищ Закутный. Я был очень рад его видеть. Это мой старый знакомый. Вместе с ним ехали мы на фронт, и именно он представлял меня Галицкому.

— Вы что, пришли ко мне в гости?—шутливо спросил Закутный.

— Нет, я ваш «гость поневоле». Вот хочу догнать отряды Галицкого.

— Они уже далеко. Не догоните!

— ???

— Да! Да! Не удивляйтесь. Нас разделяет сейчас случайная вражеская группировка.

Для меня это очень неприятное известие. Потерял свою часть. Что-то делают сейчас мои боевые товарищи. В какие разведки ходит майор Щука?..

8 июля

Ночью сделали километров двадцать. С восходом солнца залегли на отдых в лесу. Хорошо замаскировались от нападения с воздуха. Выставили сильное охранение.

...С наступлением темноты покидаем свой «однодневный дом отдыха» и по пути, указанному разведкой, продвигаемся дальше.

Нужно решать: итти пять километров по глубокому, топкому болоту, чтобы выйти в сухой лес, или проскочить один километр к тому же лесу большой дорогой, на которой по временам появляются немецкие машины.

Попытались через болото—не вышло. Потеряли только около часу драгоценного темного времени. Направились к дороге, проходящей параллельно линии фронта. Но что это? В отдалении послышался гулкий треск? Мотоциклы?!

Шла, очевидно, не одна и не две машины, а целая колонна. Стоял сплошной гул.

Лежим в кустах в 150 метрах от дороги. Мотоциклисты пронеслись мимо нас. Очевидно, головной отряд какой-нибудь мотомехчасти. Один из мотоциклистов почему-то отстал. Он поставил машину у края дороги, а сам стал прохаживаться взад и вперед.

— Здесь развилка дорог, товарищ лейтенант,—шопотом докладывает разведник своему командиру—лейтенанту Вайнеру.—От этой большой дороги, идущей параллельно фронту, другая отходит понемногу на запад, в немецкий тыл. А мотоциклист—регулировщик.

— Значит, пропускать кого-то будут,—заключает лейтенант Вайнер.—Это хорошо, повторим наш старый прием.

Я слышу последние слова лейтенанта. Они звучат для меня загадочно.

Вместе с разведчиком Вайнер уползает к дороге. Вскоре послышался грохот танков. Он нарастал с каждой минутой. Немецкий регулировщик пробует карманный электрофонарь, зажигает его несколько раз, посылая лучи навстречу танкам. Это—сигналы.

Завидев их, головная машина чуть-чуть замедляет ход, а затем резко, проскрежетав своим металлическим нутром, переходит на большую скорость, и, минуя развилку, устремляется вперед по дороге, идущей параллельно фронту. Танковая колонна явно торопится. Чуть задержится какая-нибудь машина, к ней с фонарем и со свистком бросается регулировщик. Неистовые свистки раздаются и с задних машин.

«Перегруппировка частей. Гонят к какому-то особо важному участку фронта»,—заключаем мы.

Вайнер со своими ребятами зорко следит за тем, что делается вокруг. Вот колонна разорвалась. Догоняющие машины попадают с разгона не на прямую дорогу, а на левую, незаметно отходящую в сторону тыла. Рез-

кие свистки, и регулировщик направляет их на основной путь.

— Хороший пост. «Сменить» надо,—говорит Вайнер.

— Сидоренко! Приготовиться к замене,—приказывает он бойцу, одетому в форму немецкого мотоциклиста.

Так вот в чем заключается старый прием лейтенанта Вайнера!

Сидоренко в составе разведки — особый специалист. Его дело разведывать противника на дорогах, через которые должен переходить отряд. Когда дорога разведана, он в качестве регулировщика пропускает мимо себя свою колонну. Со временем он стал мастером регулировки не только наших, но и неприятельских войск. Изучил все их сигналы, приемы, «достал» форму немецкого мотоциклиста. По ночам, когда на дороге идет сплошная вражеская колонна машин, а отряду позарез надо пересекать ее, Сидоренко появляется с фонарем на пути, сигналит очередному эшелону—«стой!», и колонна, строго подчиняясь команде, останавливается, ждет дальнейшего сигнала. Как только отряд перескочит в ночной тьме дорогу, Сидоренко подает сигнал: «Марш»...

Всего этого я в тот момент не знал и с затаенным дыханием следил за тем, что произошло вслед за приказанием лейтенанта Вайнера.

Выждав большой интервал во вражеской колонне, особая группа разведчиков без выстрела «сняла» фашиста с дороги. В следующий миг на развилке стоял уже другой регулировщик—красноармеец Сидоренко.

Сигнал на левую дорогу. Подлетевшая танковая колонна мчится туда, куда ей указали. Машина за машиной, эшелон за эшелоном. Всех нас охватывает дрожь от восхищения поведением Сидоренко.

Свыше часа одурачивал боец Сидоренко немецких танкистов. Он «отрегулировал» за это время около 200 фашистских машин вплоть до последних, заправочных. Никто не помешал его «работе»—так суматошно перебрасывались немцы. Новая колонна... Короткий свисток Сидоренко. Взмах фонарем, и гитлеровские танки снова с бешеной скоростью мчатся... в свой тыл.

Разумеется, «отрегулированные» немцы обнаружат свою ошибку. Но, чтобы вернуться обратно, нужны время и горючее.

Сидоренко на целых два часа отвлек большую танковую колонну фашистов от какой-то важной операции на фронте.

...Мы благополучно продолжаем двигаться по своему маршруту.

9 июля

Сегодня у нас радостный день: мы встретились с нашим советским авиадесантом под командой товарища Левашева. Этот отряд уже несколько дней действует в тылу фашистов.

У меня двойная радость,—оказывается, начальником штаба в отряде майор Сченснович—автор статей об авиадесантах, напечатанных в «Красной звезде»,—наш автор! Во мне тотчас же заговорил патриот своей газеты.

— Ну, готовьте для нас статью, — сказал я Сченсновичу.

— Нет, уж пишите сами. Мне теперь некогда,— отрезал майор.

И вот я пишу в своем дневнике о подвигах бойцов авиадесанта, которые и наших людей изумляют своей дерзостью.

...Сумерки. По шоссе мчатся немецкие грузовики с ящиками—фашисты спешат доставить на фронт боеприпасы. Крутой поворот. Шофер головной машины уменьшает скорость.

В кустах возле дороги притаился отряд капитана Лебедева. Его специальность—«работа» с фашистским транспортом.

Капитан не спускает глаз с проходящей колонны автомашин. За поворотом шоферы снова увеличивают скорость до предела. Они гонят машины вперед, не оглядываясь. К повороту подходят последние три грузовика. Теперь пора начинать,—нужно «отрубить» хвост колонны...

По сигналу капитана из кустов вылетают наши бойцы и вскакивают на подножки автомашин. Мгновение—и в

кабине грузовика появляется наш боец. С такой гимнастической ловкостью могут действовать только специально натренированные люди. Немецкий шофер, увидев черный пистолет перед носом, резко тормозит машину.

...У нас сегодня вынужденный отдых: днем продвигаться нельзя,—обнаружит неприятель. Продолжать свой путь и вредить фашистам будем ночью. А пока разжигаем сухие костры.

Мы собираем сушняк, копаем ямы для костров, укрепляем над ними котелки. Тем временем на нашем «мясокомбинате»—под густыми елями—идет разделка туш. Мы получаем по куску сырого мяса.

Мясо есть, но нет ни соли, ни хлеба... Однако наши люди не унывают.

— Сейчас будем хороший шашлык кушать,—улыбаясь, говорит разведчик Киквидзе, обстругивая плоским штыком ореховый прут. — Военно-полевой шашлык,—добавляет он, причмокивая языком.

Разгораются бездымные партизанские костры. Палка, на которой я жарил свой кусок, обгорела, сломалась... Достаю мясо штыком и пытаюсь есть его с гарниром из свежих березовых углей.

— Жаркое по-партизански!—хохочет веселый Киквидзе, и все смеются.

Ничего, что у нас нет соли и хлеба, зато у нас избыток бодрости, а с этой «приправой», как говорит наш доктор Мац, можно жить долго.

Военврач второго ранга Мац—уже пожилой человек. Он небольшого роста, с очень медлительными движениями.

Не торопясь, он разбинтовывает мою ногу.

Доктор Мац, прищурив свои серые глаза, разглядывает рану.

— Для вас сейчас самое лучшее лекарство—солнце,— говорит он и, мягко улыбаясь, продолжает,—держите вот так ногу открытой, полежите, но не засыпайте, а то комары налетят на рану, и это уже плохо... Солнце и воздух,—вот вам рецепт.

Я сижу под теплыми лучами, вытянув ногу, закрыв глаза...

10 июля

Мне определенно легче. Ночью я прошел пешком километра два—спасибо доктору Мацу!

Мы остановились в густом лиственном лесу. Чудесное солнечное утро. На полянах множество цветов. Гудят пчелы... Но некому собирать мед. Деревни превращены фашистами в кучи пепла. Лишенные крова, люди бродят по лесам. Всюду кровь, пожары. Лишь одни дети продолжают сохранять свою непосредственность и свежесть, подобно вот этим цветам...

— Они появились на поляне неожиданно. Даже наше боевое охранение не заметило, откуда взялись эти босоногие, светловолосые ребятишки.

— Вы откуда?—спрашиваю.

— Из дому, — ответил парнишка с облупленным носом, видимо, вожак.

— А немцы у вас есть там?

— Нету!—хором ответили ребята.

— Их всех дядя Малек разогнал,—добавил вожак.

— Это что же, ваш деревенский, Малек?

— Да нет! Он—командир... Тут у вас находится. Мы к нему пришли.

— Он в серенькой рубашке!

— В черных штанах...

— А сам белобрысый такой!

По этим приметам мы потом отыскали Малька. Вот что рассказал о нем паренек с облупленным носом:

— Сидели мы во ржи, немцев глядели. А тут этот парнишка белобрысый подполз к нам. Видим, незнакомый. Дал нам по куску сахару, а сам спрашивает: «Немцы тут есть?» Мы ему говорим: «А ты сам поди погляди». Повели к дороге, сидим и смотрим. А тут и танки и автомобили с солдатами. Парнишка этот белобрысый все считает и считает.

Он пояснил нам: «Вы не смотрите, что я ростом не вышел, это мне очень наруку—везде проползу. А я самый настоящий командир Красной Армии. И зовите меня «Малек». Вот мы и говорим ему: «Возьми и нас в разведчики». — «Ладно, — отвечает, — только что по-настоящему работать. Вы будете моим отрядом раз-

ведчиков и все, что увидите, мне будете говорить...». Сидели мы так в кустах до самого вечера. А к ночи в нашу деревню приехали немцы, грузовики поставили на улице, а сами на них спать полегли... Тут дядя Малек куда-то пропал. Мы спать не ложились, знали, что Малек к красноармейцам ушел. В полночь поднялась пальба на деревне. К нам в деревню влетели на мотоциклах красноармейцы и давай лупить фашистов... А те бегут спросонья кто куда! Смотрим, и Малек на мотоцикле, за командира... Вот тебе и дядя Малек!

Мальком оказался младший лейтенант Мальков из авиадесанта.

Я с любопытством разглядывал этого маленького лейтенанта, одетого в ситцевую серенькую рубашку и черные брюки. Босой, без пояса, загорелый, он ничем не отличался от своих добровольцев-разведчиков, и лицо у него совсем детское, лукавое, и голос звонкий, ребячий.

Днем он открыто ходит в разведку, появляясь в деревнях, занятых фашистами. А ночью подросток Малек превращается в смелого командира и совершает дерзкие налеты на врага.

В одну из ночей он с группой в 16 человек разгромил фашистскую колонну в 60 машин, из которых уничтожил 18, и убил 40 немцев.

— Это орел, — сказал начальник штаба.

Орел сидел в стороне под деревом и с таинственным видом говорил что-то ребятам, видимо, заваривалась какая-то новая каша. Вот что я узнал потом о последствиях этого совещания.

...Целый батальон немецких солдат раздевался на отлогом берегу реки для купанья. Ребята и Малек уселись в сторонке и стали с любопытством смотреть на купающихся. Их хотели прогнать солдаты из немецкого охранения.

Но вдруг со стороны купающихся раздался голос: «Киндер, киндер!»

Кричал и махал руками какой-то толстобрюхий, голый человек, купавшийся с небольшой группой в стороне от солдат. Наверное, офицер. Солдаты из охране-

ния пальцами и криком дали понять ребятам, что надо подойти к офицеру.

Они побежали. Толстый офицер стоял по колено в воде, чесался — чуть не до крови скоблил себя ногтями.

— Мыло! Мыло!—сказал он на ломаном русском языке.

— Мыла и мочалок, в момент,—скомандовал Малек ребятам, и те пустились выполнять его приказание.

Сам он, засучив штаны, вошел в воду и стал услужливо плескать водой на фашистского офицера. Тот заулыбался, подставляя «мальчишке» то бока, то спину. Вскоре появились ребята с мылом и мочалками.

Помывшись, офицеры принялись плавать.

— Полевые сумки стянуть и под рубаху,—скомандовал Малек. Не успел он оглянуться, — ребята уже стащили из-под белья офицерские сумки.

— Ну, а теперь тикать, — сказал Малек ребятам.

Охранение немцев они прошли благополучно и доставили шесть полевых офицерских сумок.

— Это мы смылили, — с гордостью заявили ребята, сдавая добычу.

11 июля

Мы продолжаем действовать в тылу врага вместе с отрядом Левашева. С утра присутствую на докладах командиров отдельных групп десантников, возвратившихся с ночной «работы».

Капитану Антрошенко было приказано уничтожить артиллерийский склад фашистов и базу горючего. Выполнение этого задания было связано с большим риском для жизни—в артскладе находилось несколько десятков тысяч снарядов.

Группа в 50 человек под командой капитана отправилась в лес и стала, крадучись, пробираться к складу. Около него неторопливо расхаживали часовые. Восемь человек. Их бесшумно и одновременно накрыли плащ-палатками и уничтожили. Такая же участь постигла и весь состав караула, который пытался оказать сопротивление. Снаряды оказались и в погребах, и в ящиках, на земле, и в автомашинах.

Внимательно осмотрев грузовики и убедившись, что они в полной исправности, Антрошенко пробурчал:

— Так мы и знали, что обратно пешком не пойдем!

В главный погреб и на одну из машин заложены мины. Быстро подожжены шнуры. Бойцы вскакивают в уже заведенные машины.

— Фейерверком хорошо любоваться издали!—кричит Антрошенко замешкавшемуся бойцу. Тот одним прыжком перемахнул через борт грузовика.

Скорей обратно, подальше от опасного места! Но не успели десантники от'ехать и двух километров, как содрогнулась земля, и автомашины застонали от страшного взрыва. Словно чем-то тяжелым ударило в барабанные перепонки. В следующий момент раздался треск под последним грузовиком. Машина остановилась и заглохла, разбитая в нескольких местах осколками рвавшихся вблизи снарядов. Пять бойцов ранено. Их быстро пересадили на остальные машины и дальше... Кругом стоит сплошной гул. Земля—клокочущий вулкан. Над головами с воем и визгом пролетают артиллерийские снаряды и авиабомбы, разбрасываемые чудовищными взрывами на горящем складе.

Антрошенко лаконично излагал командиру дальнейший ход событий... Смельчаков продолжали настигать снаряды. Но спешить уже было нельзя. Сначала следовало выполнить вторую часть задания — взорвать бензиновую базу, находившуюся по-соседству. Это оказалось делом не очень трудным, так как охрана оттуда сбежала. Бойцы пробрались к цистернам, подожгли их.

По дороге, освещенной ярким пламенем горящего бензина, возвращались к себе отважные бойцы подразделения Антрошенко.

...Докладывает лейтенант Дороганов. В его группе было десять бойцов. Они обстреляли и уничтожили на дороге легковую машину с офицерами. Одного из них Дороганов описывает особенно выразительно:

— На груди две медали и железный крест. Словом, видно сову по полету! Вот оно все его барахло,—показывает Дороганов на своей широкой ладони трофеи.— И еще двух мотоциклистов ухлопали.

— А каким способом? — спрашиваю с любопытством.

— Вашим. На веревочку! — с улыбкой отвечает Дороганов.

— Вот и обменялись опытом,—говорит мне сидящий рядом майор Сченснович.

Сегодня фашистские самолеты сбрасывали над лесом листовки. Видимо, чуют собаки, что мы где-то поблизости. На квадрате бумаги напечатана фотография. На ней красуются четыре мрачных личности. Они, не мигая, смотрят деревянными глазами в об'ектив фотоаппарата. На коленях эти молодчики держат котелки с каким-то варевом. Под этим «увлекательным» изображением неожиданная подпись, изготовленная на смеси русского и украинского языка с немецким акцентом: «Красноармейцы, будьте ласковы, сдавайтесь в плен. У нас рай, все едят досыта, не как у вас».

Эта листовка доставила нам немало веселых минут. Мы вспоминали отощавших фашистских солдат, двигающихся по дорогам, и смеялись до упада над гитлеровскими горе-пропагандистами.

Лесом мы идем дальше по своему маршруту. Впереди шоссе—одна из важнейших автомагистралей, по которой к фронту движутся вражеские машины, тракторы и орудия. Отряд остановился в 500 метрах от дороги. Решено разведать дорогу и подступы к ней в пяти точках, чтобы в одной из них проскочить всем отрядом.

На один из ближайших участков дороги вызвался итти в разведку и я. Закутный разрешил. С нами красноармеец-разведчик Бука. Вечер. Движение на дороге становится все менее напряженным.

По всему видно, что разведчик Бука отлично знает свое дело. Он как будто рожден для разведки. Невысокого роста, юркий, остроглазый украинец.

— Ось бисова фашизма! — вырывается у него всякий раз, когда мы переползаем или перебегаем от дерева к дереву.

У края дороги стоят два автобуса, легковая машина. Колонна мотоциклистов проехала. Вокруг тихо. Но это спокойствие может быть обманчиво:: надо еще и еще раз высмотреть поближе.

На краю поляны, ближе к нам—обломки двух разбитых немецких танков, один грузовик и пустые зеленые бочки из-под горючего. Видно, подбили их наши артиллеристы при заправке:

— Заправились, та на небо отправились,—шепчет мне Бука.

Осмотревшись вокруг, находим, что это место для перехода нашего отряда самое подходящее: выйдем из леса, бросок в 30—40 метров к дороге, а за дорогой сразу опять в густой лес... Вот только мешают эти автобусы—«бисовы шарабаны», как их окрестил Бука. Он усиленно разглядывает их в бинокль.

— Треба ще трошки разведать,—шепчет он.

Забравшись за одну из бочек, извиваясь ужом, он еле заметно стал катить ее по лугу в сторону автобусов. Покатит, покатит—остановится, посмотрит на нас, а мы ему сигналим: если на дороге, безопасно—взмах рукой вперед, при появлении какой-нибудь машины—взмах к земле. Бочка потихоньку катится. Бука ползет. Около самого кювета он руками сигнализирует: мол, под автобусом люди.

— Сколько?

Всеми растопыренными пальцами показывает—десять, и сигнализирует: подтягивай отряд вплотную к дороге.

Бука показывает нам свой пистолет—приготовьте, мол, оружие. Тычет пистолетом себе ниже спины и делает взмах в сторону автобусов. Понимаем: немцы будут бежать, открыть по ним огонь сзади. С нетерпением ждем нового сигнала Буки.

И вдруг в предвечерней тишине, при ясном небе раздался страшный громовой раскат. За первым—второй, третий...

Что это?!

Бука грохает изо всей силы своей металлической каской по днищу железной бочки, а из-под автобуса выбегают испуганные немцы и несутся вдоль дороги. Тут мы в догонку им даем автоматную очередь. Фашисты бегут, кричат, падают.

— Тикай, тикай, бисова фашизма!—кричит им вслед выскочивший из-за бочки Бука.

Дорога очищена. Наш отряд бросается пересекать ее. Особая группа—к машинам—испортить немедленно! Я задерживаюсь возле автобусов. Каково же было мое изумление, когда в них оказалась походная немецкая типография! Меня она очень интересует. Беру несколько листовок, лежащих у плоской типографской машины.

Ба! Знакомые все лица!

На листовке та же четверка с котелками. Заглядываю в цинкографское отделение. Там лежит ворох фотографий. И первое, что мне бросается в глаза,—оригинал снимка, размноженного в уже известной нам листовке. Этот снимок убедительно раскрывает тайны фашистской пропаганды. На оригинале ясно видно, что «пленные красноармейцы» — это немецкие солдаты, которым ловкач-художник перерисовал форму, намалевал петлицы, пристроил звезды на пилотках. Грубая работа!..

Получаем приказ: немедленно поджечь автобусы с машинами и бумагой, со всей пачкотней фашистских врале́й...

12 июля

Лес, лес без конца... Где-то вдалеке на востоке раскатисто грохает артиллерия. Неужели подходим к линии фронта? А может быть это такой же отряд, как и наш, действует в тылу у немцев?

Это должна выяснить разведка—наши глаза и уши.

Начальником разведки в отряде выдвинулся связист по специальности, 24-летний младший политрук Павел Колычев. Способнейший в этом опасном деле парень. А на вид такой тихоня, скромник с красивым нежным лицом и голубыми смеющимися глазами. Ему бы стихи писать на какие-нибудь лирические темы...

Узнаю, что Колычев и в самом деле до войны писал стихи, работая токарем в Москве на заводе имени Сталина. А узнали бы сейчас на заводе, что собой представляет теперь их лирический Павлик! Это гроза и смерть фашистов, попадающихся ему на глаза. Под его скромной внешностью скрывается талантливый разведчик—отважный, хитрый, дерзкий.

Нам позарез нужен был проводник из местных крестьян. Мы должны пробираться по непроходимому лесу

и болотам. Проводника нужно было достать в деревне, занятой немцами.

Целый день разведчики Колычева прощупывали в бинокли каждый домик и сарайчик в ближайшей деревне: кто остался из крестьян? В какой хате? Вечером разведчики во главе со своим командиром ушли добывать проводника.

Через час вместе с ними пришли три старика, составлявших, оказывается, все наличное население деревни.

«Население» ушло от немцев прямо из-под носа, хотя этих носов там насчитывалось свыше 500. Целый батальон не укараулил трех жителей!

Проводники отлично вывели нас к следующему пункту.

Павел Колычев умно выбирает места наших очередных привалов: всегда обеспечены скрытность, круговая оборона, наблюдение за врагом.

Сегодня мы лишний раз оценили его уменье. Отряд был далеко от главных, идущих к фронту дорог, но зато вплотную к поперечной, соединяющей их лесной дороге.

— Отсюда сразу два пути—вправо и влево, наблюдать будем, — лаконично докладывал Колычев командиру Закутному, — место прекрасное, лучше его не найти.

Командир согласился.

...Круговая оборона, созданная капитаном Доброленским, была наготове, когда разведчики вдруг доложили: к нам движется по лесной дороге фашистская колонна машин с артиллерией.

— Приготовиться! Без команды ни одного выстрела!—приказывает Доброленский своим людям, залегшим в траве и кустах.

Заряжены винтовки, на боевой взвод поставлены гранаты. Перед глазами—зеленая поляна в квадратный километр. Дорога на поляну зияет в опушке леса черной дырой, как вход в тоннель.

— Будем ловить кота в мешок,—говорит Доброленский.

Он приказывает лейтенанту Кареву закрыть выход с

поляны, а лейтенанту Кузину—вход в нее, как только пройдет неприятель.

Я нахожусь тут же, около капитана. Маленький, подвижный, с грубоватым лицом. На поясе пара гранат. В правой руке—сабля. До чего же у него свирепый вид!

В лесном тоннеле на дороге тарахтят машины. Покачиваясь на выбоинах, на кореньях лесной дороги, они медленно выползают на поляну. Как чешутся руки спустить курок! Но нельзя — приказ.

Впереди—грузовик с пехотой, за ним—три легковых машины, снова три грузовых, наконец, четыре орудия, прицепленные к четырем автомобилям с людьми. Это—хвост колонны. Вся она теперь на поляне. Остановилась...

— Где же, чорт возьми, команда?!—хочу я крикнуть Доброленскому, но меня опережает резкий голос капитана:

— По фашистским гадам, огонь!

Залп. Сплошной пулеметный и ружейный огонь, взрывы гранат... Немцы, забившись под машины, беспорядочно бьют из минометов, из пушки...

— За мной! На бандитов! Ура! — на весь лес прогремел голос Доброленского.

Его крик подхвачен сотнями людей. Лесное эхо повторило, умножило голоса.

Русское могучее «ура!». Оно, как на крыльях, несет нас в атаку. С ним легче взмах штыков и сабель. С ним яростней удар по врагу.

Наше «ура» точно обрубило огонь фашистов. Вижу, как Доброленский саблей своей рубит одного за другим трех немецких фашистов. Красноармейцы дружно устремились за ним, бьют немцев штыками. А капитан вскочил на легковую машину и с крыши, размахивая шашкой, командует, где, какому взводу добивать врага.

... На месте боя остались 115 неприятельских трупов, из них 20 офицеров. Мы разгромили напоровшийся на нас штаб 238 пехотного полка вместе с его охраной. Сами потеряли 10 убитыми и 16 ранеными.

Отвожу одну страничку в блокноте под ведомость трофеев:

знамя фашистского полка;

3 легковых и 8 грузовых автомашин;
4 пушки и к ним свыше 500 снарядов;
4 миномета;
42 винтовки, 8 пулеметов, 12 автоматов, 30 пистолетов.

Сознательно не вписываю в ведомость еще две вещи, которыми, признаюсь, воспользовался сам.

Я уже несколько дней хожу без сапог. А тут повезло: в офицерской машине нашли пару ботинок военного образца. Обувь, правда, не на заказ: 46 номер вместо 41-го, но что же делать? Выбор ограничен.

Другая вещь это—толстый, в черной обложке, похожий на конторскую книжку, дневник убитого немецкого фельдфебеля Иоганна Ланге.

Фельдфебель скуп на записи: всего две-три строчки в день. У него едва хватало времени «расписываться» кулаком на рожах своих подчиненных. Вот одна из многих записей в дневнике: «Расписал Фабера, утерявшего лопатку. Пусть повторит, совсем без глаза оставлю!».

Как и всякий рачительный мародер, фельдфебель Ланге не забыл перечислить в дневнике, чем он должен обзавестись в Советском Союзе.

Занимательна запись от 19 июня. Это скорее пометки лошадиного барышника. Зафиксирован «экстерьер»—размеры всех частей тела некоей Фридель: ноги—39, плечи, пояс, рост... Фельдфебель забыл лишь размер мизинца Фридель. Среди заказов для нее—«перстень с бирюзой». Но чорт его знает, как подобрать, на что примерить? И Ланге пишет: «Какой попадется!»

Разобраться в дневнике мне помог прекрасно знающий немецкий язык доктор Мац, который погрузился сейчас в разбор штабных документов.

Книжка в черной обложке исписана меньше чем наполовину, а у меня вышла вся бумага. Меня искушает мысль: использовать дневник немецкого фельдфебеля. Вот эти строчки я уже записываю на плотной линованной странице.

Правда, в дневнике раньше моего расписались наши гранатометчики: осколки гранаты изрешетили его черную, глянцевитую обложку...

13 июля

За вчерашний разгром немецкого пехотного полка фашисты решили нам отомстить. Мы это предвидели.

Во всех направлениях действует наша разведка. Сам Колычев во главе группы разведчиков—в той стороне, откуда накануне появился немецкий штаб. Разведка наткнулась на разведку, и вот результат: вместе с восходом солнца в лагере отряда появились два колычевских бойца с добычей—пленным.

Доктор Мац в совершенстве владеет немецким языком. С его помощью происходит допрос. Пленный СС держит себя надменно и нагло. Это матерой фашистский волк.

— Ваша фамилия?

— Моя фамилия приятного вам ничего не принесет —Розенберг.

Видимо, этот головорез гордится тем, что он однофамилец проходимца Альфреда Розенберга — редактора поганой фашистской газетки «Фелькишер беобахтер». Доктор Мац с присущим ему юмором замечает:

— Ничего! Только вот неудобно с такой фамилией в плен попадаться.

— Я пришел не в плен, а за пленными, — развязно отвечает Розенберг.

— Вот как? Странный способ брать пленных?! Сколько вам прикажете выдать—роту, батальон?—И меняя тон, доктор резко спросил:

— Какого полка?

— Я вам все равно не скажу правду,—упорствует Розенберг, — а, впрочем, какой нам смысл продолжать разговор дальше? Кругом наши войска. Поднимайтесь, пойдемте к нам в плен.

Доктор переводит эти слова, и мы не можем удержаться от смеха. Пленный, увидев наши улыбки и расценив их по-своему, окончательно обнаглел. Отчаянно жестикулируя, он продолжает:

— Какой вам смысл сопротивляться? Москва давно в наших руках. Ленинград и Киев тоже. Наши уже форсировали Волгу. Вам одна дорога—к нам.

Пленный может быть и дальше продолжал бы веселить нас, но тут по знаку Закутного один из командиров заряжает на глазах у СС пистолет...

Розенберг решил — комедия кончилась, может наступить трагедия.

— Геноссен!—визгливо выкрикивает он на весь лес.

Ага, уже «товарищи»! Быстро же слетает спесь с гитлеровских бандитов.

— Что вы хотите? — спрашивает Мац.

— Я хочу сказать: Москву не взяли... Ленинград не взяли... Киев не взяли...

— Какого вы полка?

— Двести тридцать восьмого.

— Вот это другой разговор. Теперь можно и побеседовать,—говорит Мац.

Перетрусивший однофамилец фашистского газетного враля подробно рассказал о своем полке: после вчерашнего разгрома штаба солдаты начали стадом убегать в тыл. Их задержали огнем, дали новое командование, присоединили новые части. Сегодня они хотят окружить и захватить нас здесь, забрать свои машины, батарею, оружие. Розенберг как один из самых опытных разведчиков был послан к нашему расположению с заданием «привести побольше пленных»...

...Вернувшийся Колычев исчерпывающе доложил обстановку: на нас надвигались два немецких полка. Ночью мы могли бы просочиться отсюда даже сквозь окружение, а днем придется драться как следует.

Закутный вызывает капитана Доброленского.

— Товарищ капитан, готовьтесь к контратакам. Надо протянуть до вечера.

О том, что произошло дальше, я записал в дневник очень кратко: весь день дрались. До вечера протянули. Немцев потрепали и, оторвавшись от них, ушли немного в сторону.

...На далеком горизонте пропало солнце, и вместе с его исчезновением появились новые надежды на выход из расположения врага, на успех. Скоро наступит ночь—наше самое любимое время. Во тьме, как обычно, мы будем водить немцев за нос.

Совершается привычная, похожая на другие, опера-

ция: мы пересекаем дорогу, по которой движутся немецкие войска. Наш замечательный регулировщик Сидоренко задерживает на несколько минут фашистские машины. Отряд благополучно проходит дорогу. Колычев со своими ребятами не забыл прихватить «по пути» какого-то зазевавшегося немецкого пехотинца.

Пленный сообщил, что по дороге движется колонна 152-й немецкой пехотной дивизии—она идет на подкрепление фронту. Через шесть километров мы наткнулись на новую дорогу, параллельную первой. Но пересечь ее не было никакой возможности. Ее занимала идущая также на фронт 167-я пехотная дивизия немцев. Она следовала в пешем строю, и здесь наш танкист-регулировщик уже ничего не мог поделать. Прорывать колонну—очень рискованное предприятие, нас могут смять с обеих сторон. Мы оказались зажатыми в двух параллельно движущихся потоках 152-й и 167-й дивизий.

Что же делать дальше? Наступит день, и нас опять начнут обстреливать с флангов и тыла, будут пытаться истребить, как кроликов.

Опытный артиллерийский начальник Зуев совещается со своими командирами. Немного погодя он докладывает Закутному:

— Есть предложение немного рискнуть, но дело сделать. Все мы знаем, какие немцы вояки ночью. Я предлагаю стравить эти две дивизионные колонны, затеять большой шум, а самим скрыться.

Решение принято.

Отряд возвращается немного назад, на самую середину леса — между двумя дорогами. Вся захваченная вчера у немцев артиллерия делится пополам. Одни пушки и минометы поворачиваются дулами к пройденной дороге, другие, наоборот, — к той, которую предстоит пройти. Прицелы у той и другой группы орудий точно до дороги. Орудия наведены, заряжены...

— Первая группа, огонь!—командует старший лейтенант Зверев, и ночная тишь разорвана артиллерийским залпом.

Секунды ожидания, и на дороге послышались разрывы наших снарядов. Слышно, как там поднялась суматоха, ружейная пальба, пулеметный треск. Даем

еще залп, и оттуда затявкали уже минометы и малокалиберные пушки. С перепуга немцы начали стрелять, конечно, неточно, взяли «основное направление». Снаряды и мины рвутся далеко от нас.

— Ничего, мы им поможем нащупать цель,— бурчит старший лейтенант Зверев и подает команду «огонь» второй группе, обращенной дулами к противоположной дороге.

Залп, за ним другой на левую дорогу, и там тот же эффект. Левая дорога подумала, что по ней бьет правая — значит, там красные и нужно открыть ответный огонь. Правая могла обвинять только левую — и, в свою очередь, открыла огонь, думая, что обстреливает советские войска. Артиллерийская перепалка между двумя колоннами разгоралась все сильнее. Там развернулись уже целые батареи, дивизионы. Мы прекратили огонь еще с первых залпов и теперь лежали, прижавшись к земле. Над нами гудело небо — летели немецкие снаряды.

Фашисты уже нащупали друг друга довольно точно, и наш отряд, находясь между ними, чувствовал себя в безопасности.

— Вот уж, поистине, мы между двух огней,—заметил капитан Доброленский.

— Им жарко, а нам ни холодно, ни жарко, — откликнулся младший политрук Колычев.

— Германцы подрались с арийцами, — удовлетворенно произнес Зуев.

— А теперь пора выбираться,—сказал Закутный.

Нам ясно, что обе дивизии прекратили движение и развернулись около дорог для боя. К дорогам показываться мы, конечно, и не думали. Отряд пошел на восток в сторону фронта, куда двигались и вражеские части. Идем по лесу, как по темному коридору. Справа и слева, в трех километрах от нас, немецкие войска, тузят сейчас друг друга на артиллерийской дуэли. Только бы не приблизиться к стенам этого коридора. Тогда беда... Вперед и вперед! Канонада не утихает. Но мы слышим ее уже не справа и слева, а позади. Можно и к дороге. Она оказалась пустой. Пересекаем ее.

Пройдя пару километров, залегли в каком-то болотистом месте на отдых. Искать другое — нет сил. Все страшно изнурены дневным боем и ночным маршем. К нам все еще доносятся отзвуки ураганной артиллерийской стрельбы двух немецких дивизий. Под нее засыпаем, под нее и просыпаемся. Бой германцев с арийцами продолжается. Он длится уже пятый час.

Счастливо оставаться, господа фашисты! Смотрите — деритесь как следует!

14 июля

Вот уже 20 дней, как мы деремся с фашистами в их тылу. Истребляем живую силу, громим склады, обозы... Каждый день несем потери и мы. Люди изнурены. Кое-кто из менее выносливых ослабел физически.

Но не ослабела наша воля к победе. Горячо верим в наш народ, в нашу родину.

Старший политрук Козик — наш пропагандист— едко подшучивает над теми, кто вешает слишком низко свой нос:

— Ничего, злей будешь!

И верно—с каждым днем все ненавистнее враг, все злей становимся мы в схватках с фашистами!

Плохо одно: уже дней 15 мы оторваны от внешнего мира. У нас нет радио. Мы не знаем, что делается в нашей стране, где проходит фронт, как развертывается война. Нас может быть считают погибшими...

Как хочется услышать только два слова из эфира: «Говорит Москва!» Только это!..

Наши разведчики напрягают все усилия, чтобы достать радиоприемник. Но где? В одном селе фашисты расстреляли всю семью сельского учителя за то, что у него был обнаружен радиоаппарат, принимавший Москву.

Мы знаем, что радиоприемники есть в офицерских машинах. Но мы обычно не соблюдаем никаких правил этикета при встрече с этими господами — швыряем гранаты прямо в стекла. Нам машины не нужны — мы по дорогам не ездим, поэтому после нашей работы от автомобилей кроме груды обломков ничего не остается.

...В лагерь нашего отряда, расположенный в густом лиственном лесу, вернулись разведчики Лидов и Парма. Докладывают командиру: в селе, в трех километрах отсюда, немецкий гарнизон. В бинокль наблюдали из рощи — отдыхают.

— Что еще видели?—расспрашивает командир.

— Кругом немецкие патрули по 3—5 человек,— добавляет Парма.

— Еще что?

— Больше ничего особенного,—говорит Лидов.— Ну, там девчонка какая-то тряпки стирает в речке.

— Немедленно доставить сюда,—приказал командир. — У нее о гарнизоне узнаем.

Вскоре разведчики очутились на прежнем месте.

Надо было вброд перейти речушку. Девочка услышала, как разведчики шли по воде. Она вдруг стала торопливо увешивать бельем всю веревку, что была натянута между двух деревьев.

— Шпионка, — шепнул Лидов товарищу. — Сигналы наверно подает. Помнишь старика-наводчика с белой рубахой?

— Ты что тут делаешь? — грозно прорычал Парма, вылезая из воды.

— Товарищи красноармейцы, у меня радио, я слушала Москву, — пролепетала девочка.

— Москва?!—как ошпаренный, привскочил Парма. — Где она?!

— Вот здесь, близко. Только белье снимите с антенны, а то не слышно будет.

Лидов мигом сорвал рубашонки, трусики, платочки, развешенные на проволоке. В кустах, около корзинки с бельем, под кучей веток был спрятан маленький радиоприемник.

— Вот ты какая?! — удивленно растягивая слова, проговорил Парма.

Девочку звали Люсей. Ей 13 лет. Она дочь фельдшера. Когда появились немцы, отец поручил ей спрятать приемник возле речки. Приемник она давно хорошо изучила и вот теперь приходит сюда «стирать белье», натягивает антенну, как сушильную веревку, настраивается и слушает Москву. Вечером голос Москвы через

нее доходит и до всех оставшихся жителей села — стариков и детей.

...Разведчики привели Люсю в лагерь и принесли приемник. Белокурую, худощавую девочку в легком ситцевом платье, с двумя косичками, разбросанными по плечам, окружили со всех сторон командиры, разведчики. Ее засыпали вопросами. Все наперебой предлагали помочь настроить приемник.

— Он очень капризный. Я сама, — важно сказала Люся, усаживаясь на земле и одевая наушники.

Что-то долго хрипит, свистит. Наконец, снимая наушники и передавая их командиру, Люся об'являет:

— Говорит Москва!

— Говорит Москва! — взволнованно выкрикнул командир.

Стремглав сбегались бойцы к командному пункту, где находился приемник.

— Где он?! Что услышали?!

Уже не видно ни приемника, ни его крохотной хозяйки — на зеленой лесной поляне сплошная толпа красноармейцев. Лежа, сидя на четвереньках, навалившись друг на друга, сгрудились бойцы вокруг маленького ящичка.

— Тише! — больше по привычке, чем по необходимости, обращается Козик к бойцам. Но об этом не надо и просить — все замерли, затаив дыхание.

— ...Мы еще раз повторяем, что... — раздался из репродуктора знакомый дикторский баритон и вдруг оборвался.

— Чорт возьми! — вырвалось у нас разом.

— Ловите! Ловите! Скорее! — закричали мы Козику и Люсе.

Голос пропал, но зазвучала какая-то песня, потом опять хрипение, свист. Но мы сидели возле приемника, никто не уходил. Мы ждем. Полчаса, час, два... Ночь. Тишина. Шумит листва. Где-то далеко бухает выстрел.

— Сегодня ничего больше не услышим, — тихо говорит Люся, но мы все сидим и выжидательно смотрим на маленький квадратный ящик...

15 июля

Утро. Снова все заняли свои места возле радиоприемника. Люся оставалась в нашем лагере, и сейчас она снова ловит Москву. И вдруг:

— Внимание! Внимание! Говорит Москва! Передаем статью товарища Емельяна Ярославского «Всенародная партизанская война в тылу врага».

— Ребята! Ну как нарочно, для нас. Знают, что мы сидим здесь и слушаем, — говорит Козик.

Мы ловим каждое слово, вылетающее из картонного, порванного в трех местах репродуктора: «3 июля товарищ Сталин в своем выступлении по радио призвал советский народ отдать все силы на разгром врага»...

Сталин выступал по радио с речью к народу?! А мы не слышали этой речи... О чем говорил стране наш вождь?

Мы слушаем с напряжением, до звона в ушах, стараемся запомнить слова Сталина, приведенные в статье Ярославского. Эти слова адресованы тем, кто остался в занятых врагом районах, — к нам.

... Создавать диверсионные группы... Для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи... Поджога лесов, складов, обозов... Создавать невыносимые условия для фашистов... Преследовать и уничтожать их на каждом шагу...

Торжественно звучат эти слова в утренней лесной тишине. Сразу просветлели истомленные, исхудавшие люди, и на лицах бойцов я вижу то выражение внутренней собранности, готовности на все, какое бывает, когда человек принимает присягу.

Да, мы присягали в эту минуту. Мы клялись великому Сталину, что выполним его приказ, что не дадим врагу ни часа покоя, что мы будем преследовать его и уничтожать на каждом шагу.

Диктор говорит уже о другом. Мы слышим его, а сами не можем вымолвить и слова—все равно, не услышит. А как хочется сказать ему:

— Товарищ Левитан, мы здесь в лесу... Ну, что тебе стоит взять и передать всем, всем, Сталину, наро-

ду, что мы готовы драться до последней капли крови за наше правое дело. Мы уже сделали кое-что. Вот хочешь, расскажу тебе, что произошло еще вчера утром...

Голос диктора уже смолк. Передача прекратилась, а я, уткнувшись в блокнот, перечитываю самому себе наспех набросанные строки:

«Утро 14 июля. Старший лейтенант Коробов уничтожил своей группой конный раз'езд фашистов — 10 человек. Первый раз встретили немцев-кавалеристов и тех в живых не оставили...

Группа бойцов лейтенанта Сахоньчика напала на немецких сапер, чинивших железнодорожное полотно. Несколько фашистов было убито. Остальные пятнадцать человек успели укрыться в цементной трубе, под полотном. Ребята окружили их с обеих сторон. Предложили немцам сдаться. Не отвечают, швыряются взрывпакетами.

— Ага, у вас много взрывчатки. Очень складно. Поможем вам дорогу «отремонтировать», — сказал Сахоньчик и приказал красноармейцу Реуту не промахнуться по трубе.

Реут прицелился и запустил гранату. Сразу труба всем гадам!

Будем вредить фашистам каждый день, на каждом шагу!»

16 июля

На командный пункт привели человека, задержанного охранением у окраины леса, в котором размещался наш лагерь. Высокий старик в пенсне, строгое сосредоточенное лицо, в руке — зонтик. По виду — работник связи: он одет в форменный китель с «молнией» на левом рукаве. Однако человек вызывает у нас подозрение. Да и документов у старика никаких не оказалось.

— Кто вы такой?

— Техник телеграфа из города.

— А к нам как попали?

— Я пришел, чтобы рассказать... У нас — немцы, но не в самом городе, а в военном городке — в казармах. Это карательный отряд. Только они боятся итти дальше,

сидят у нас уже три дня. Все это время растаскивают магазины и обирают квартиры. Расстреливали на площади. У нас убили телефонистку. Они ищут вас, красноармейцев...

— Телеграф ваш занят?

— Да, занят немцами.

— Чем вы можете подтвердить все, что говорите. У вас даже документов никаких нет.

— Немцы все отобрали. Еще в тот день, когда застали меня на телеграфе.

Можно верить старику-технику или нет? Кто он? А вдруг подослан фашистами? Нужно было получить ясные ответы на эти вопросы.

Задержанного пока что отвели под конвоем в сторону. Вернулась разведка старшего лейтенанта Коробова. Она действовала в районе города О., в семи километрах от нас. Разведчики подтверждают слова старика. Немцы расположились в казармах, находящихся на самой окраине города.

В разведку входил старший сержант Селин. Он хорошо знал этот город, и ему удалось побывать сегодня в домах на самой окраине. Селину показали старика-телеграфиста.

— Где живете? — спросил Селин.

Старик назвал адрес.

— Кого знаете в горсовете?

Старик назвал несколько фамилий, а затем у него с Селиным нашлись и общие знакомые — городок небольшой! Подозрения мигом рассеялись.

...У командира отряда созрело решение: они ищут нас, а мы найдем их. Надо покарать карателей. Пусть только станет потемней!

Выработан дерзкий план. Задумано произвести налет на городок, навести панику, навредить побольше, достать продуктов и отойти. Десантному отряду Левашова такие вещи делать не впервые.

Сумерки. Мы покидаем свой обжитой лесной лагерь. Рота старшего лейтенанта Яковлева с приданными ей двумя пушками — авангард отряда.

Густая роща на большой возвышенности близ города облюбована разведчиками еще днем. Там же выбрана

огневая позиция для орудий. Определены дистанции до важнейших целей.

Первая и самая важная цель — 4 больших трехэтажных казармы, набитых немцами.

Ночь. Заняв рощу, Яковлев к моменту подхода всего отряда приготовился к открытию огня по казармам.

— Начнем с первого этажа, остальным и так тошно будет, — сказал он командирам орудий. И вот команда:

— Огонь!

Снаряды летят точно в нижние окна казарм. Слышатся взрывы, стены рушатся, что-то взрывается внутри... Огонь перенесен на другие здания военного городка.

Все пошло, как задумано: в казармах началась страшная паника. С криками и гвалтом фашистские солдаты прыгали с верхних этажей, падали, метались во все стороны, как с завязанными глазами. Это хорошо видно при ярком свете пожара — горят казарма и какой-то склад.

Яковлевцы двинулись в наступление и вскоре перешли в атаку. Они на каждом шагу натыкались на трупы. Фашисты бросились в улицы, в гражданские дома и... почему-то не стреляли.

Раненые фашисты признались, что они два дня «чистили» город — магазины и квартиры. Каждый награбил много. Но вот беда — девать некуда! Не тащить же на спине. А часть идет дальше. Наворованное роздали по домам на хранение, номера записали, расстрелом пригрозили... Нужно быть гитлеровцем, чтобы додуматься до такой гнусности: вас ограбили, вам же отдали ваше имущество под расписку на хранение.

Фашисты, занятые размещением своего барахла, бросили на произвол судьбы обоз, автомашины, груженные снарядами, цистерны с горючим, пушки, винтовки... Тем более, что они, находясь в тылу, чувствовали себя в безопасности. Наши бойцы носятся от машины к машине с горящими факелами и зажигают обоз. Стало светло, как днем. Артиллеристы налетели на фашистские орудия, вынимают замки. Везде идет горячая, спешная работа. Надо успеть за час управиться со всеми делами. Мы зажигаем, громим, колотим вдребезги

все, что попадается под руку. Отовсюду доносятся грохот взрывов и треск огня.

В переулках завязался бой. Несколько опомнившихся фашистов пытаются отстреливаться и бросать гранаты из-за угла. Но вспоминается наказ командира отряда: не застревать в городских щелях—запутаешься и время потеряешь.

Нужно прорываться к центру, поражать нервы города — телеграф, электростанцию! Бойцы мчатся дальше. Фашисты из переулков сами удирают. Хотят выбраться за черту города — боятся населения. Теперь, когда на улицах появились первые красноармейцы, жители начинают выбираться из домов и указывать на укрывшихся гадов.

Наша особая группа во главе с Селиным кратчайшим путем бежала к телеграфу. С нами старик-телеграфист.

— Где? Показывай! Скорей... — торопят его бойцы, подбежав к телеграфу с переулка.

— Вот третье окно справа!

В окно летят одна за другой четыре гранаты. Взлетела на воздух аппаратная телеграфа. Немецкой охране, расположенной у главного под'езда здания, уже нечего больше охранять.

Старик вдруг вздрогнул, схватился рукой за плечо красноармейца. По улице вслед за немцами бежал человек в мешковатом костюме с маузером в руках.

— Он! Он! Офицер! Стрелял на площади, — говорил старик, показывая на бегущего.

Сухой пистолетный треск, и перерядившийся фашист упал. К нему подбежали бойцы. Распахнули пиджак. Так и есть — офицер! — в мундире...

Дело было сделано. Отряд десантников в течение часа запасся продуктами и боеприпасами. Не успели мы сделать лишь одного — подсчитать убитых фашистов. Во всяком случае их не одна сотня. Мы же потеряли пять человек убитыми, да трое бойцов ранены. Фашисты скоро придут в себя. Но наш след уже простынет... пора уходить!

— С нами пойдете? — торопливо спросил Селин

старика-техника. Тот покачал головой. В глазах его стояли слезы.

— Нет, я стар. Ноги дрожат. Останусь здесь. Я знаю — наши придут, а я еще помогу таким же, как вы.

Селин вместо ответа обнял старика и поцеловал его.

— Хороший ты человек, отец, смелый!

Старик завернул в переулок. Он шел, опираясь на свой, чудом уцелевший в этой схватке зонтик, и бойцы провожали взглядом его сутуловатую фигуру до тех пор, пока она не растворилась в ночной мгле...

17 июля

Наконец-то сегодня у нас баня! Долго мы ждали этого дня. Месяц не мылись, не меняли белья. Банный день нужен дозарезу—не меньше, чем хлеб, чем боеприпасы...

Лагерь, как всегда, в глубоком лесу, подальше от неприятеля, близко к реке. Колычев с его неизменными помощниками Мякишевым, Горбушкиным и Сорокой заранее облюбовали прекрасное место для «бани», хорошо прикрытое. У берега плоты—удобно раздеваться.

Заместитель командира Чехарин разработал «внутренний распорядок купанья», как план настоящей боевой операции. В самом деле: мойся, но помни, что ты не в бане, а в тылу врага.

— Мыться будем поочередно: один взвод моется, другой охраняет,—приказал Чехарин командирам подразделений.

Первым пришло к реке подразделение Новикова. Охраняющий взвод занимает оборону, остальные, прежде чем раздеться, устанавливают на берегу пулеметы, определяют секторы обстрела на случай нападения фашистов. И пулеметы и винтовки оставляются в заряженном виде.

Мы вынимаем из ранцев и бережно разворачиваем белье, тщательно сберегавшееся нами целый месяц.

Люди бросаются в воду, как в атаку,—всем своим существом, напролом, ныряют, плавают... Другие спускаются с плотов осторожно, окуная то одну, то другую ногу.

— Эй, дядя! Замаскируйся хорошенько. Полезай скорей в воду!—кричали такому бойцы.

Что это? Шутка или серьезное боевое предупреждение? Скорее последнее.

Не прошло и полминуты, как все сидели уже в реке, торчали лишь одни головы. Мы отмывались, отскабливались, снимали с себя месячную грязь, а кое-кто и остатки запекшейся крови. Большой кусок мыла ходит из рук в руки. Мочалки—пучки травы с берега были у каждого.

Наслаждение непередаваемое! Бойцы барахтались в воде, словно озорные ребятишки.

— Так бы никогда и не вышел отсюда,—говорит Новиков.

Я мылся, сидя на берегу, не разбинтовывая ногу. Друзья подносили мне в котелке воду. Но я был в таком же упоении от «бани», как и те, кто был с головой в воде. «Баня» длилась уже часа два. Одно подразделение сменялось другим. И каждое из них силой приходилось выгонять из речки.

Перемылось уже большинство, как вдруг на другом берегу раздался автоматный стрекот.

— К оружию!—гремит с берега команда.

Все бросились из реки к винтовкам, пулеметам и, как были голые, так и залегли около них, открыв огонь по немецким солдатам, появившимся на опушке. Перестрелка длилась около 15 минут. Немцы замолкли. Нами выслана мощная разведка. За ней—одно из вымывшихся подразделений. Неприятель оказался несильным: какой-то запутавшийся в лесу батальон: Может быть из карательного отряда. Вновь завязалась мелкая перестрелка. Наступать и ввязываться в крупный бой мы не собирались. Но как жаль было расставаться с рекой! Месяц ждали этого дня... Да и осталось пропустить всего не больше сотни человек.

— Домываться всем, кто не мылся. Остальные—охранять!—крикнул Чехарин.

«Баня» продолжалась, но уже под огнем врага. Вымылись все до одного бойца.

— Это ничего, что постреляли,—банька, можно сказать, с паром получилась. Кое у кого из пулеметчи-

ков, наверное, вода в «максимках» закипела,—подшучивает Козик.

Как истый пропагандист, он тут же совершает экскурсию в историю:

— Один солдат петровского времени стоял на посту на берегу Невы. Захотелось ему купаться. Раздевшись и положив ружье вместе с бельем, он забрался в воду. Только начал мыться, как на берегу Невы появился сам Петр I. Солдат немедленно выскочил, схватил ружье, голый вытянулся во фронт и давай рапортовать. Петр I ответил: «Ты достоин за свой поступок самой высшей кары, но так как, выскочив из речки, ты схватился прежде всего за ружье, а не за штаны, то наказание тебе смягчается».

— Ну, а мы же не только за ружье схватились, а даже врагу отпор дали,—смеется Козик.

18 июля

...Вчера не помылся только Колычев со своей разведкой. Весь день он был «на охоте». В 18 часов вечера пришло его донесение, присланное с разведчиком Сорокой:

«Станция Л. Ночью сюда прибудет воинский эшелон для разгрузки. По сведениям железнодорожников, грузятся в городе О. Возможно, это вчерашний карательный отряд. О Галицком, Левашове и о нас все знают. Готовы помочь, только скрытно. Здесь комендант—зверь. Жду приказания. Если не будем заниматься эшелоном, прикончу хоть коменданта. Колычев».

Сорока дополнил донесение еще и другими подробностями:

— Комендант—собака бешеная. Сам видел, как расстреливает людей и избивает наших железнодорожников, которых привели готовить платформу для разгрузки.

Командир Закутный принимает решение: заняться «разгрузкой». Но это надо делать немедленно, иначе опоздаем. Лагерь снимается, и мы идем на пересечение железной дороги, находящейся на расстоянии пяти километров.

Сорока выводит отряд не к самой станции, а в 3-х километрах от нее, в сторону немецкого тыла, откуда ожидаются эшелоны. На этом месте решено взорвать «карательный поезд» или пустить под откос.

Отряд Левашова направился прямо к станции. Он будет атаковать ее, как только начнется заваруха у нас на линии.

Опыта организации железнодорожных катастроф у нас еще нет,—это будет первый. Отряд отошел в глубь леса. У полотна осталась специальная группа человек в 10 во главе с искусным гранатометчиком Майоровым.

Дорога в этом месте проходила в выемке. Бойцы сидели на пригорке, выше уровня рельсов метров на 7. На поезд можно будет смотреть сверху. Бойцы вязали гранаты по три-четыре штуки вместе.

По дороге из тыла уже загудело, залязгало.

— Дрезина,—тут же определил Майоров, бывший ремонтный рабочий на железной дороге.—За ней жди и поезда. Ее пропустим!

Внизу промчались не одна, а две бронированные дрезины. Майоров очень сожалеет: надо бы их снять. А вдруг поезд задержится? Но состав на всех парах шел по направлению к фронту, быстро приближаясь к месту засады. Дрезины уже на станции. Они дали зеленую ракету: путь свободен.

— Переговариваются, сволочи, зелеными. Мы им сейчас красную устроим,—говорит Майоров, приготовившись к броску гранаты.—Цельсь в трубу—попадешь в кабину!—кричит он бойцам под шум приближающегося поезда.

Сноп ярких искр из паровозной трубы показывает, куда бросать гранаты.

— Огонь!

Десять связок гранат полетело к паровозу. Раздался страшный взрыв. Бойцов обдало брызгами горячей воды и окутало паром.

— Котел! Вот здорово!—приглушенно выкрикнул Майоров под грохот ломающихся и налезающих друг на друга вагонов.

— Тягу!—скомандовал он, и смельчаки скрылись во мгле.

...На станции в это время действовал Левашов. Станцию еще не брали, но за входными стрелками установили наблюдение. В случае, если поезд проскочит, — опрокинуть его на стрелке.

Взрыв и грохот крушения послужили сигналом для нападения на станцию. Первыми бросились наутек дрезины. Девушка-стрелочница Лида быстро сообразила: направила дрезину прямо в тупик.

— Только всех до одного там кончайте, а то мне после не жить!..—крикнула она пробегавшим мимо красноармейцам.

С помощью железнодорожников на станции уничтожена аппаратура сигнализации, порваны провода, взорваны стрелки...

Мы скрываемся в лес... Хороший денек!

19 июля

Наш путь уже давно проходит параллельно фронту — с севера на юг. Пройдена не одна сотня километров. Сегодня мы особенно близко подошли к фронту—километров на 20—25. Об этом можно судить и по артиллерийской канонаде слева и по насыщенности дорог немецкими войсками.

Попрежнему, однако, свободны от немцев наши леса: фашистские колонны пришиты к дорогам. Охранение у них только головное и тыловое—все по той же дороге. Боковое же, в лес—не выставляется, немцы боятся леса, как черти ладана. Мы пересекли много дорог, встретили десятки вражеских колонн, в том числе и пехотных, но еще не было случая, чтоб они имели боковое охранение хотя бы в 50 метрах.

Сегодня на заре, между прочим, мы наблюдали новый вид охранения. В селе на ночевку остановился фашистский пехотный батальон. Обычно немцы в таких случаях выставляют на околице и в переулках броневики, патрули. Но Колычев еще ночью докладывал: немцев полное село и ни одного броневика или танка.

— Зато собак—несметное множество,—добавил он.

Что произошло? Подойдя к селу, Колычев увидел странную картину. Вместо броневиков и танков у околицы стояли... собачьи будки.

Оказывается, фашисты заставили крестьян перетащить эти конуры от домов на окраины. При появлении посторонних собаки будут лаять и разбудят лежащие около них фашистские патрули.

Но трудно обмануть нашего Колычева! Он сам не с'ел свои порции мяса и хлеба, отдал их собакам, и они молча пропустили Колычева в деревню.

...Продолжаем наш марш. Пока не решаемся прорываться сквозь фронт—спустимся еще южнее, там безопаснее. А потом неизвестно: перешли ли наши девчата-посыльные фронт и сообщили ли командованию сигналы, выработанные нами на случай прорыва к своим.

Девчата ушли два дня тому назад—16 июля. Они сослужат отряду великую службу или погибнут при переходе фронта. Где-то они сейчас? Последний день их с утра до вечера инструктировали капитаны Кубасов, Маслюков и старший политрук Медведев.

— Ну, еще раз все сначала,—требовал Кубасов, и девушки повторяли наизусть серию ракетных сигналов, которыми отряд предупредит советские войска о переходе фронта.

Особенно тщательно командиры репетировали с девчатами допрос их немецким офицером.

— Вы откуда?—спросят девчат.

— Вот из деревни рядом.

— Почему остались, не убежали со всеми?

— Хлеб убирать будем. Белье господам офицерам стирать будем,—бойко отвечает машинистка Лиза Семенова, черноглазая, живая.

В начале похода она все песни, частушки распевала, а теперь приумолкла. Вместе с нами голодает, но если получит кусочек мяса или сырую картошку, обязательно найдет такого, кто ослабел еще больше, чем она, и поделится с бойцом. Пропагандист Козик не раз спрашивал:

— Лиза! Когда патефон заведешь? Я по частушкам соскучился...

Шнипова Валя—сильная, круглолицая девушка. Она бы смело могла пару немцев за шиворот взять. Валя—наборщица типографии, но сейчас она «наборщица» ягод и грибов...

Лида Горнак—медицинская сестра, добровольно уехавшая с нами на фронт. Подвижная, предприимчивая, со смелым лицом, серыми глазами. Все порывалась в ночные разведки с Колычевым, но мы не пускали, берегли. Все же днем она и остальные девчата заходили переодетыми в занятые немцами деревни, добывали ценные сведения.

Чубикова Маруся—военфельдшер. 18-летняя, беленькая, нежная и хрупкая, как стекло. Ни военная гимнастерка, ни сапоги, ни наган не могли придать ее фигуре военной строгости. Уж очень нежное создание! Она очень проста, скромна, молчалива. Самоотверженно ухаживает за ранеными. Человек перебинтован и лежит на лесном валежнике. Под головой у него душистые сосновые ветви, а Маруся сидит рядом, погруженная в думы: хорошо бы так сделать, чтобы боль раненого взять на себя, а он бы снова пошел бить фашистов...

Девчата занимались у нас, главным образом, варкой пищи, штопаньем обмундирования. Праздной жизни не вели. Каждый день и каждый час приносили отряду пользу, были настоящими боевыми подругами. Они сами первыми предложили свои услуги—перейти через линию фронта, связаться с частями Красной Армии.

В тот день—16-го—они переоделись в крестьянское платье, распрощались, поплакали, конечно. Слезы, впрочем, были на глазах не только у наших милых девушек. Ведь ради нас они отправлялись на жертву, возможно, на смерть...

Глазами, полными восхищения и надежды, смотрели мы вслед удаляющимся женщинам. Последний раз между деревьями мелькнули их беленькие белорусские кофточки...

20 июля

Марши по лесам и болотам мы совершаем не только пользуясь картами и компасом, но и с помощью проводников—стариков, пастухов. Эти люди, рискуя жизнью, отправляются с нами. Иногда становятся участниками наших стычек с врагом, но продолжают итти вперед и выводят колонну километров за 20—30 к намеченному пункту.

Сегодня у нас проводником 50-летний колхозник Семен. Он хорошо знает окрестности, а если и собьется, на помощь ему придет собака Линда.

— Она у меня смышленая. Куда с ней ни заверни, обязательно выведет,—говорил старик, поглаживая свою рыжую Линду.

Старик с собакой шли все время вместе с разведчиками. Линда, бежавшая в нескольких метрах впереди, вдруг насторожила уши, прилегла.

— Дичь, значит,—прошептал старик.

А Линда, будто опытный разведчик: то ползет, то побежит, то снова замирает на месте. Разведчики, конечно, за ней.

Вскоре из кустов ясно донеслось хриплое рычание какого-то неведомого зверя. Линда, посмотрев на нас своими умными собачьими глазами, приготовилась к прыжку.

Вскинуты винтовки.

— Ату!

Линда делает громадный прыжок в куст на зверя, и в тот же миг «зверь» заорал истошным человеческим голосом.

Бросаемся за Линдой и видим, как она с остервенением рвет штаны на немецком солдате, который никак не может очухаться от сладкого сна.

— Кто такой?

Солдат оказался пьяным пекарем из немецкой походной пекарни, расположенной в соседней деревне. Хлеб испечен и ждет отправки. Главный пекарь, напившись водки, забрел за околицу, заблудился в лесу и заснул.

Весть о хлебе, да еще горячем, не на шутку взволновала весь отряд. Никто не смог сдержать слюнки,— ведь хлеба мы не видели уже неделю.

— Атаковать!—решительно предлагает Колычев.

— Разведайте сначала,—приказывает командир.

Пленного пекаря, всего изодранного Линдой, разведчики забрали с собой: пусть покажет пекарню.

Через час к месту нашей стоянки возвратился Колычев со всеми своими разведчиками и десятью пленными. Солдаты-пекаря, перемазанные мукой и тестом, тащили

мешки, нагруженные буханками хлеба. Добычу немедленно разделили между всеми бойцами.

— А пекарня?—спросил Колычева командир Закутный.

— Все машины и котлы изломаны. Тесто спущено на дорогу,—отрапортовал Колычев.

Сытые, довольные удачным налетом, мы двинулись дальше...

21 июля

Весь день шли по болоту. Очень неприятное путешествие, но другого выхода не было—единственный свободный для нас путь в сторону своих войск...

22 июля

Полночь. После недолгого отдыха Закутный сказал:

— В следующую ночь будем переходить линию фронта. Сигнал, посланный с девушками, наверное уже передан своим.

На фронте тихо. Ни артиллерийской, ни ружейной перестрелки не слышно. Мы считаем, что линия фронта проходит от нас в 20 километрах.

Колонна тронулась. Цель—до рассвета максимально приблизиться к фронту, притаиться на день в глубоком лесу, приготовиться для последнего броска. Надо суметь это сделать очень тонко: и немцев прорвать, и не быть расстрелянными огнем своих войск. Для этого у нас готовы ракеты, посланы девушки через фронт.

А вдруг они еще не передали?.. Хуже всего, если после стольких дней борьбы с немцами погибнем от своих же пуль и снарядов.

Вернулись люди Колычева.

— Впереди дорога с войсками,—докладывает на ходу разведчик.

— Справа залегли солдаты,—сообщает другой.

— Слева проволока и окопы с немцами,—добавляет третий.

— Что за чертовщина?—изумляется командир.—Зачем здесь проволока?

Движение колонны на час прекращено. Итти пока некуда: с трех сторон неприятель, с четвертой—болото. Выяснили—слева у нас или одна из самых тыловых немецких линий обороны, или запасная.

— Здесь оставаться нельзя ни минуты. Немедленно пройти окопы с тыла и снова в лес,—приказывает Закутный.

Мы пробираемся небольшими группами к окопам. Бесшумно прикалываем дозоры тылового охранения. Все они принимали идущую на окопы с тыла массу наших людей за свое подкрепление. Пока они собирались спрашивать пароль, специально выделенные группы накрывали их палатками.

Трудно поверить, но мы буквально проходим через окопы со спящими в них фашистами. Делаем это тихо, соблюдая всяческую осторожность. Наконец, передовые посты и секреты, когда им наступили прямо на спины, подняли тревогу. Раздались выстрелы, выкрики, всполошенно застрочил пулемет, но было уже поздно. Мы были за проволокой, в дремучем лесу, и лишь шальные пули от времени до времени свистели над нашими головами.

Но где мы находимся? Не может быть, чтобы нам удалось так безболезненно, без всяких потерь перейти линию фронта. Сомнения вскоре рассеялись: разведка донесла, что впереди—село Любань, только что оставленное немцами. Но весь район занят фашистами.

Значит, мы попрежнему в тылу врага... Тем временем из села к нам в лес приковылял хромой сторож сельсовета.

— Который раз спрашивают сегодня по телефону какого-нибудь начальника!—говорит он Закутному.

— На русском языке?

— Истинно, на русском. До этого, конечно, и немчура говорила.

Долго раздумывает командир.

— Стоит послушать,—наконец решительно заявляет он.

Под сильным охранением мы с Закутным пробираемся в село.

— Ну, кто кого обдурит?—шутит Закутный.—Кто-то ловит нас на удочку...

Мы у аппарата. И вот какой произошел разговор:

Закутный: Какого вам надо начальника? Сельсоветского?

Голос в трубке: Нет, нам нужны военные. Есть у вас там военные?

Закутный (шутливо): Да, водятся понемножку. А вам каких—немецких или русских?

Пауза.

Голос в трубке (сердито): Не валяйте дурака. Отвечайте, кто вы такой: немец или русский?

Закутный (насмешливо): А я вас точь-в-точь хотел спросить о том же.

В телефоне ругательства. Но разговор возобновляется снова.

Голос в трубке: Если вы не скажете, кто вы такой—я вас прикажу арестовать.

Закутный: Это еще посмотрим, кто кого арестует.

Голос в трубке: Назовите свою фамилию, может быть, разберемся.

Закутный: Это мне не жалко. Пожалуйста—Закутный.

Голос в трубке: Что за чорт?! Закутный?! (и уже выкриком):—Слушай, Закутный, а как ты сюда попал? Я—Судаков.

Закутный (в недоумении, морща лоб, напрягает память): Что-то не помню...

Голос в трубке: Ах, ты чорт этакий! Да мы же с тобой вместе диссертацию по топографии в академии защищали.

Закутный (поражен): Слушай, неужели?! Ты?! Судаков?!

Далее разговор между двумя командирами происходил на сплошных восклицаниях и намеках. Ясно одно: Судаков говорит из Действующей армии, части которой расположены отсюда в нескольких километрах. Сейчас он пришлет сюда роту броневиков, которая и уведет за собой весь отряд.

Как хорошо, что, несмотря на образовавшуюся линию фронта, уцелели провода местной связи!

Закутный и я в неописуемом восторге. Но что-то щемит внутри. После 30 дней пребывания в окружении врага трудно поверить, что мы уже почти дома.

— А вдруг это все-таки немец,— сомневается Закутный.

С меня слетает пыл восторга. Шутка сказать: целая рота броневиков. Приедет сейчас, мелькнет своими белыми черепами на башнях, да и покажет нам, что такое телефонный разговор. Ах, как мы были неосторожны!

Вернулись в рощу. Закутный расположил отряд полукольцом у опушки против места, назначенного для свидания с бронеротой. Бойцы приготовили связки гранат.

— Еще раз повторяю,—обращается к бойцам Закутный,—будьте осторожны. Могут оказаться самые настоящие наши.

Поднимая вихрь пыли на проселочной дороге, со стороны запада показались бронемашины. Под'ехав к роще, они мгновенно развернулись для атаки. Пушки направлены прямо в нас. Вот-вот грохнет залп. Но машины с визгом остановились. Из верхнего люка головного броневика во весь рост показался советский командир-танкист.

Он крикнул громко:

— Товарищи бойцы Красной армии! Кто здесь есть? Пусть выйдет командир.

Вперед выступил из-за деревьев Закутный. Откровенно говоря, это было не совсем верно—он не имел права рисковать. Мы видели, как Закутный подошел вплотную к машине, поздоровался с командиром, и чтобы окончательно убедиться, что перед нами свои, он попросил открыть люки машин. Всюду он увидел настоящих бойцов Красной армии в форме бронетанковых войск.

— Выходите, товарищи!—радостно крикнул Закутный, обращаясь к нам.

— Свои! Свои!..

Опустились руки с гранатами. Все бросились через опушку к машинам. Бойцы облепили броневики со всех сторон.

Трудно описать эту необычайную встречу. Люди обнимали и целовали друг друга. Бойцы обнимали броню

и стволы пушек и пулеметов родных машин, гладили их руками, как живых. И я не мог удержаться—обнял смущенного танкиста и звонко расцеловал его.

Трогательная встреча была внезапно прервана командой Закутного:

— Вперед, марш!

Разведка донесла о близости врага.

Быстрее за машинами. И колонна под охраной броневиков в предвечерней дымке двинулась форсированным маршем навстречу своим войскам. Вскоре мы уже вступили на позиции частей Красной армии.

Эх, жаль, что на радостях невозможно крикнуть «ура» на весь свет, на весь фронт... Ну, ничего—оно пригодится нам при первой же атаке на фашистских гадов!

Мой первый вопрос к командирам, встретившим нас:

— Где Галицкий? Как его части?

Галицкий несколько дней назад вывел все свои отряды, пройдя по тылам врага свыше 500 километров. Бойцы и командиры влились в крупное соединение, командовать которым назначен Галицкий.

Вот это чудесно! Значит еще повоюем!

...Мы в прифронтовом советском городе Гомеле. Прежде всего помыться и сменить вконец истрепанное обмундирование! В госпитале меня посадили в горячую ванну.

Непередаваемое блаженство охватило все мое существо. Лежу и не верится. Неужели вырвались?! Нет... Разве Колычев не в разведке? А взорванный поезд... Гады ведь не усмирены. Драться будем сегодня, как и вчера и позавчера. Ах, это проклятое вчерашнее болото, чуть не остался там навсегда...

Я тону, захлебываюсь, кричу во все горло, хватаюсь руками за что попало. Что-то схватил железное, гладкое. Держусь изо всех сил. Пытаюсь вспомнить: не было же на карте, чорт возьми, никакой переправы. Какую же реку мы форсируем?!

— Не кричите, товарищ Поляков,—успокаивает меня чей-то ласковый голос. Очнулся. Я цепко держусь за края ванны. Меня поддерживает запыхавшийся сани-

тар. Приготовив ванну, он вышел на минутку, а я в это время уснул и... начал «тонуть».

...Через час я разговаривал из Гомеля по телефону с Москвой. Редакция поздравляет с благополучным выходом из окружения:

— Так и знали, что выйдете!

Я что-то бормочу от волнения. Хотел сказать многое...

— Ладно, после все расскажете. Немедленно на самолете в Москву!—приказывают из редакции...

***

«...Моя родина, мой народ ведут великую отечественную войну с гитлеровскими бандитами. События проносятся бурей...». Этими словами я начал свой корреспондентский дневник.

Буря событий не утихла. Она попрежнему бушует с ожесточенной силой. Но я ясно ощущаю: главный удар буря принесет тем, кто ее посеял. Я в этом глубоко убедился, находясь целый месяц в тылу врага, в его зверином окружении.

Каждый день я видел этих выкормышей Гитлера, истреблял их. Это не люди, а стреляющие автоматы без души и сердца. Подлые трусы, которых, как крыс, гоняли отряды Щуки, Колычева, Доброленского.

Враг, конечно, еще силен, жесток и коварен, но он будет сломлен нашей силой, нашей волей к победе. В войне с фашистами победить можем только мы—наша Родина. С этой верой мы будем воевать и дальше...

Отв. за выпуск *И. Фомин* Корректор *З. Чуднова*

Подписано к печати 22 IX 1941 г. НГ8478.
Учет.-изд. л. 4,1. Печ. л. 5¼. Знаков в б. л. 64200. Тираж 20000.
Цена 60 коп.

Набрано в типографии изд-ва „Коммунист". Заказ № 2679.
Отпечатано и сброшюровано в типографии Облместпрома.
Заказ № 5554.

60 коп.